

ЕВГЕНИЯ
КРЕТОВА

СЕЗОН ОХОТЫ
НА
КРО-
ТОВ

романтические детективы

Евгения Кротова
Сезон охоты на кротов
Серия «Романтические детективы
Евгении Кротовой», книга 10

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70096645

Аннотация

Жизнь предпринимателя Антона Илантьева складывается не по плану. Вдовец, с сыном-подростком, он вынужден вернуться из Москвы в свой родной город, где знакомится с не в меру инициативной Викторией – школьным библиотекарем. Их отношения становятся предметом пересудов и обостряют и без того натянутые отношения с сыном Антона. А потом и вовсе все идет под откос: сына похищают. Перебирая факты из своего прошлого, Антон пытается понять, кто мог подобраться к нему так близко, чтобы ударить по единственно важному, что еще осталось в его жизни. И ставки высоки как никогда – в Москве убит бывший партнер Илантьева, Антон предполагает, что эти преступления могут быть связаны. Яркая, динамичная история, которая не оставит вас равнодушными!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Библионочь	6
Глава 2. Отец	23
Глава 3. Труп на Малой Бронной	37
Глава 4. Версии	48
Глава 5. Неудачный вечер	57
Глава 6. Еще более неудачное утро	73
Глава 7	80
Глава 8. Бывшая жена	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Евгения Кротова

Сезон охоты на кротов

Пролог

Москва, вечер пятницы, центр. Начало октября

Вечер уже сковал столицу дорожными пробками. Служащие и студенты торопились домой, толпились у метро, с тоской поглядывая на искрящиеся словно в праздничный день автобусы – каждому из них добираться до дома еще недобрые полтора, а то и два часа.

Из ресторана на Малой Бронной вышел невысокий мужчина в черном пальто, поднял воротник, укрываясь от порыва промозглого ветра. Чуть не поскользнулся на мраморных ступенях.

– Черт подери, – пробормотал, успев схватиться за золоченый поручень.

К нему поторопился швейцар:

– Вам помочь?

– Отвали, – бросил мужчина в пальто, даже не удостоив швейцара взгляда.

Мужчина был сильно не в духе. Неудачная неделя завершилась неудачной встречей. Следовало ожидать значительных финансовых потерь. Но впереди – выходные, мужчина

надеялся, что ему удастся минимизировать потери.

«Надо думать», – отметил он про себя и посмотрел на приближающийся к крыльцу черный автомобиль представительского класса. Шагнул к нему.

– Константин Игоревич? – его окликнул тихий голос, показавшийся ему чем-то знакомым.

Мужчина оглянулся: худощавый незнакомец в дешевой спортивной куртке с надвинутым на глаза капюшоном.

– Я не подаю сегодня, – хотел пошутить Константин.

– Напрасно...

В руках незнакомца мелькнуло что-то темное и злое. Оно полыхнуло ослепительно-белым, в одно мгновение расплескав по груди кипяток. Константин ахнул и хотел выругаться, но слова застряли в горле, пропустив лишь невнятный хрип, а в груди стало внезапно холодно.

Мужчина схватился за грудь, с недоумением взглянул на испачканные красным пальцы.

– Привет от...

Он не расслышал, от кого «привет» – заглушил грохот музыки, вырвавшийся из окна проехавшего мимо автомобиля. Асфальт, черный от надвигающейся ночи, будто бы накрепко и встал на дыбы, ударив Константина в лицо. В ушах застыл визг тормозов, женский крик и топот ног. Но все последние звуки смешались в общий гул, который, как это было ни странно, не трогал мужчину. Ему стало холодно.

А потом наступила тьма.

Глава 1. Библионочь

Двумя днями ранее, Краснодар

– Виктория Владимировна, ну нет у меня на это денег! – директор школы, немолодой уже, но еще не потерявший привлекательности шатен, смотрел на посетительницу, морщась, словно от зубной боли. – Вы поймите, у меня бюджет, все подотчетно и такие траты нужно как-то заранее согласовывать...

– А как я могу заранее согласовывать, если у вас сперва отпуск, потом первое сентября на носу, потом первое сентября в печенках, потом проверка, потом родительские собрания, потом еще что-то... Я за вами с мая хожу, с мая! И у вас одни и те же отговорки!

– Но позвольте, милая моя Виктория Владимировна... – директор школы вскочил, вцепился в собственные волосы, будто намереваясь сорвать с себя скальп. – Это не отговорки.

– Но вы мне одно и то же говорите.

– Потому что обстоятельства не меняются и мне нечего вам сказать нового. Хотите провести мероприятие – я «за», но денег нет.

И демонстрируя, что разговор завершен, он рухнул в кресло и отвернулся.

Виктория вздохнула:

– Денег нет, но «галочку» поставить вы хотите, – подыто-

жила она.

Директор беззастенчиво кивнул:

– Именно так.

– Ну, хорошо же!

Фраза прозвучала как угроза. То, с каким грохотом захлопнулась за Викторией дверь – тем более. Директор с сожалением посмотрел вслед убегающей из его кабинета сотруднице. Молодая, инициативная библиотекарь – новая головная боль в его сердце. Хотя его предупреждали с ее прежней работы о не в меру инициативном характере библиотекаря... «Но кто ж знал, что до такой степени...» – он покачал головой и вернулся к учебному плану.

Тем временем Тори, как звали ее старшеклассники, стремительно бежала на третий этаж, в учительскую. Темные волосы, собранные в неприменный «хвост», растрепались, глаза горели, а в голове крутились запоздало придуманные фразы, которые, будь они придуманы вовремя, должны были убедить начальство поддержать ее идею провести библионочь в школе. Там было и про пропаганду чтения, и про госпрограмму, и про пополнение библиотечного фонда, и про детей, которые снова вернутся в библиотеку, чтобы найти новые интересные книги.

«Ну ничего, вы еще увидите!» – бормотала Тори, направляясь по коридору и не обращая на смешки старшеклассников – они давно прозвали ее «Торпедой» за эту самую привычку бежать, сшибая углы.

Она хотела пригласить местных писателей, договориться о мастер-классах, проработала программу с учителями русского языка и литературы, подключила учителя МХК и преподавателей иностранного: одну провести лекцию об исторической прозе, других – взять на себя зарубежную литературу. Была еще идея сделать театральную постановку, но на костюмы и декорации точно не набрала бы денег. Даже ту небольшую смету, которую она подготовила – на закупку книг, цветы приглашенным гостям, «книжный» буфет с десертами и напитками из литературных вселенных, освещение и печать информационных флаеров, директор не утвердил. «Нет средств», – отрезал он.

Виктория влетела в учительскую, надеясь, что застанет там Александру Ивановну, учителя истории и классного руководителя 7 «Б». Александра была старше Виктории, опытнее в подобных делах, а потому сразу сказала коллеге – ничего не выйдет.

– Да и зачем оно тебе? Зарплату не прибавит, а руководству понравится, потом требовать начнет. Это как крокодилу – сунь палец в пасть, откусит по локоть.

Увидев растрепанную и злоую Тори, Александра понимающе улыбнулась, поправила модные очки, водрузив их обратно на переносицу:

– Не дал? – спросила.

– Нет.

– А что я тебе говорила... Брось ты это все.

– Ну скучно же, Саша, так работать! – Виктория металась вдоль стены от двери до окна и обратно. – Выдать книжки, видеть потухшие глаза у детей... Это же невыносимо!

Александра скептически хмыкнула:

– А ты надеешься их одним мероприятием разжечь, эти глаза? Сотни педагогов не могут, а ты сможешь?

– Может, и не одним, – Тори, наконец, перестала метаться, устало опустилась на диванчик, задумчиво взяла из вазочки печенье и надкусила. – Но это ведь не может быть не интересно – узнать что-то новое. Понятно, что не все увлечены литературой, это нормально, но мы пригласили бы кого-то из нонфика...

– Из чего?

– Из нехудожественной литературы, – Тори проигнорировала иронию в голосе коллеги. – Например, о психологии. Ребятам, кто готовится к ОГЭ и ЕГЭ, это может быть полезно... Сейчас же можно сделать онлайн, пригласить хоть из Москвы, хоть из Питера автора. Можно узнать изнанку издательского мира, позвать на встречу редактора...

– И прям прибегут все к тебе, в школу?

– Ну почему нет?! Они ведь тоже люди, тоже болеют чтением... Иначе бы не работали в этой сфере...

Тори уже чуть не плакала.

Александра, с сомнением покосившись на дверь, сверилась с расписанием, встала и взяла со стола ежедневник. Остановившись перед Тори, присела рядом с ней.

– Ну не расстраивайся ты так, – она положила ладонь на колено Виктории. – Есть у меня одна мыслишка, но ее надо очень деликатно обдумать...

– Какая мыслишка? – Виктория посмотрела на коллегу. Та ухмыльнулась:

– Я сперва с Василием Егорычем переговорю, чтобы тебя понапрасну не обнадеживать...

Василий Егорович – это директор школы. Тори кивнула – все равно других вариантов у нее не было.

* * *

Краснодар, четверг

Утром следующего дня к ней в библиотеку заглянула Александра. Выглядела она довольной, что сразу внушило Тори надежду.

– Я переговорила с директором, он одобрил, – сообщила она и заговорщицки подмигнула.

– Что одобрил-то?

– Ко мне в класс пришел новенький, Илантьев Денис...

– Сын Илантьева? – ахнула Тори. – Не знала, что он вернулся в город.

Антон Илантьев был крупным предпринимателем в городе, владел несколькими торговыми центрами, строительными компаниями, крупнейшим в регионе пиар агентством. Последние три года он жил в столице, навещаясь в город

весьма редко.

– Вернулся, – Александра кивнула. – Ходят слухи, что хочет баллотироваться в мэры. Но это не точно, сама понимаешь.

– И что ты предлагаешь, попросить денег у него?

Александра кивнула:

– Если слухи верны и он в самом деле нацелился в политику, то публичное мероприятие ему для старта будет кстати. Деньги для него не ахти какие, а заявить о себе он сможет весьма неплохо. так что... Я бы попробовала, будь у меня такая же одержимость какой-то идеей, как у тебя с этой твоей библионочью.

Тори задумалась.

– А как с ним встретиться?

– Я дам тебе его телефон, который он указал для связи в анкете. Скорее всего, это его секретарь. Позвони, запишись на встречу. Расскажи свою задумку. Вдруг он заинтересуется.

Александра протянула Тори вырванный из тетради клетчатый лист, на котором аккуратным размашистым почерком был выведен городской номер. Виктория неуверенно придвинула его к себе – идея Александры была стоящей, но выступить в роли попрошайки оказалось слишком унижительно. Дождавшись, когда снова останется одна, Тори убрала листок с номером местного олигарха.

На следующей перемене в библиотеку заглянула Лиза Ра-

ботина из 5 «А»:

– Виктория Владимировна, а мы когда начнем репетировать?

Лиза тоже уже слышала идею проведения в школе библионочи, тоже ею загорелась. Тори опустила глаза:

– Пока ничего не знаю, Лиза. Как только что-то прояснится я всем обязательно объявлю.

Девочка убежала, оставив на душе Тори тревогу – она стольким людям успела рассказать о задумке, стольких зажечь ею, что сейчас сердце горело от стыда и неловкости. Отступить уже некуда.

Дождавшись, когда шум в коридорах утихнет и начнется урок, Виктория снова достала оставленный Александрой номер и набрала его. Ей ответили почти сразу. Приятный мужской голос – немного уставший, чуть с хрипотцой – отозвался:

– Добрый день, слушаю вас.

Тори запнулась, вспоминая заранее заготовленную фразу:

– Добрый день, мне этот номер дала Александра Ивановна Соломина, классный руководитель Дениса Илантьева, сына Антона Сергеевича. Меня зовут Виктория, я библиотекарь в школе Дениса.

– О, даже так... И что натворил мой оболтус?

Тори опешила.

– «Мой оболтус», – машинально повторила. – Простите, разве вы не секретарь Антона Сергеевича?

– Нет, конечно, с чего вы взяли, – голос был молодой и сосредоточенно-настороженный. – Я специально оставил свой личный номер... Денис у меня не всегда спокойный ребенок, тем более у него сейчас сложный период. Так что он натворил? Сжег ценный экземпляр «Мертвых душ»?

– Простите, не подумала... Нет-нет, дело не в Денисе, – Тори немного успела собраться с мыслями. – Мой вопрос не касается вашего сына... Мы могли бы встретиться?

Антон удивленно хмыкнул:

– Да, не вопрос. Вам удобно подъехать часика в четыре ко мне в офис?

Тори было удобно. Хотя и очень неловко.

– Да... Спасибо, что согласились уделить мне время.

– Не вопрос, – по голосу – предельно вежливому, но какому-то отчужденному, Тори поняла, что бизнесмен сразу догадался, что она будет просить его о деньгах, и от этого покраснела еще больше. Но обратной дороги не было – она уже напросилась на встречу.

Коря себя за то, что вообще затеяла эту историю с библионочью, она собралась и к четырем часам направилась в центр, к офису «Мегастройинвеста»

Это было современное десятиэтажное здание из стекла и бетона, на парковке которого можно было всегда найти автомобили стоимостью в половину городского бюджета. Тори замедлила шаг, проходя вдоль рядов роскошных авто – хотела попробовать угадать машину Илантьева. Вот эта, ярко-зе-

леная «Феррари» с открытым верхом? Или черный внедорожник с тюнингованными колесами? В углу поблескивала глазированными боками новенькая «Тойота» – хищная и величественная. Почему-то Тори решила, что Илантьев должен ездить именно на такой машине – пафосной, массивной, с благородным профилем и надменным анфасом. «Хотя, почему надменным, – одернула она себя, – Илантьев же согласился встретиться». При это – Тори должна была это признать, прекрасно понимая, что она идет к нему за деньгами. Единственная интрига – сумма. Вероятно, олигарх ожидает что-то с шестью нулями. «Ну, тут я его удивлю», – усмехнулась Тори, входя в фойе.

В зоне ресепшен ее ждали – стоило ей сообщить свое имя и что у нее назначена встреча с Антоном Сергеевичем, как девушка-администратор кивнула и пригласила пройти за собой:

– Антон Сергеевич вас ждет...

«Надо же, – снова удивилась Тори, следуя за улыбчивой девушкой. Та провела ее на седьмой этаж, где оказалась зона переговоров. Просторный конференц-зал, холл для брифингов, уютный лофт для кофе-брейков, серия стеклянных «аквариумов» для переговоров. Вот к одному из таких ее и подвела администратор Татьяна – именно такое имя прочитала Виктория на бейджике девушки».

– Антон Сергеевич сейчас подойдет, – сообщила та, распахивая перед гостьей двери. – Чай, кофе желаете?

– Нет, спасибо, – смутилась Тори.

«В конце концов, что я выдумываю, я ведь не для себя прошу, а для дела. И не какую-то заоблачную сумму, я могу подтвердить каждую копейку», – успокаивала она себя. В ожидании олигарха она поставила сумку на стул, сняла плащ, повесила его на вешалку. Стянула с шеи шелковый шарф и пристроила его туда же, поверх плаща. Оправила блузку. Тайком, посмотрев через прозрачные стекла, чем занимается администратор, устроившаяся за дверью у стойки секретарей, и не появился ли Антон Илантьев, взяла со стола салфетку и протерла ею пыль с носков ботинок. За дверью почудилось движение и Тори, замешавшись, сунула перепачканную салфетку себе в карман джинсов.

Обернулась как раз в тот момент, когда двери распахнулись, пропуская внутрь переговорной худощавого мужчину чуть за сорок. Светлые, с сединой, волосы коротко острижены, ясно-голубые глаза смотрели приветливо, с вежливым интересом, и улыбались. Мужчина стремительно пересек помещение и протянул руку:

– Антон Илантьев, добрый день.

Он весь был собранный и напряженный, словно сжатая пружина, однако чувствовалось, что это его естественное состояние. Кажется, у предпринимателей это называется «энергичный». Виктория чувствовала, как он своей энергией мгновенно заполнил все помещение, и невольно поежилась. Он сел за стол, сделал приглашающий жест Тори. По-

правив рукава пиджака, положил локти на стол.

– Я вас слушаю.

«Вот в этом они все, деловые люди, – отметила Виктория, разглядывая его особенно светлые на загорелом лице глаза. – Ни мгновения робости, ни секунды на раздумья. Сразу быка за рога и вперед, на амбразуру».

Илантьев молчал, продолжая разглядывать свою гостью. Та смутилась, поправила выбившуюся из прически прядь волос, заправила ее за ухо. Откашлялась.

– Меня зовут Виктория Владимировна Римская. Я библиотекарь в школе вашего сына, Дениса. Есть идея организовать библионочь в школе... Ну, ясное дело, что это никакая не ночь будет, а просто вечер... Пригласить местных авторов, сделать видеоконференцию с кем-то из известных писателей, редакторов. Показать изнанку писательского и литературного мира, провести мастер-классы, рассказать о книжных новинках, подискутировать, дать возможность ребятам найти единомышленников, пообщаться неформально...

– А что, в Краснодаре много местных писателей?

Виктория кивнула:

– Да, конечно, – начала называть имена, спешно припоминая изданные книги и литературные награды, и почувствовав при этом себя еще более неловко – словно на экзамене. Сердце билось, выпрыгивая из груди, пальцы она сцепила в такой плотный замок, что те посинели. Лоб вспотел.

Илантьев кивнул, не дослушав ее перечень:

– Хорошо, я понял.

Виктория шумно выдохнула и замолчала.

«Зачем я сюда пришла?».

Олигарх, откинувшись на спинку стула, повернулся к ней чуть боком. Посмотрел внимательно, будто ожидая, что девушка заговорит. Но Тори молчала. Повисла неловкая пауза.

– А от меня вы что хотите? – Уточнил он, наконец. В глазах мелькнул лукавый огонек, показавшийся Виктории снисходительным. – Я не литератор, вряд ли смогу рассказать школьникам что-то стоящее...

Он обезоруживающе улыбнулся.

– А н-нет, я и не думала об этом... В смысле, не думала вас звать в качестве гостя. Я с гораздо более прозаической просьбой. Мне не выделяют финансирование, – она покраснела и отвела взгляд, с ужасом представив, что он ей сейчас откажет, встанет и так же стремительно покинет переговорную, а она останется, как нищенка, которой отказали в милостыне и выкинули из благородного дома.

Илантьев понимающе улыбнулся, снова кивнул, очевидно, желая подбодрить вконец растерявшуюся гостью:

– Ясно. И о какой сумме идет речь?

– Пятьдесят шесть тысяч, – Виктория торопливо полезла в сумку, вспомнив, что у нее с собой смета. Вытащила файл и положила перед хозяином «Мегастройинвеста».

Тот притянул к себе бумаги, посмотрел распечатку, на которой были указаны цены на необходимое оборудование, ин-

вентарь, стоимость букетов и прочего.

Виктория перевела дух, получив возможность изучить его лучше. У него были красивые руки – почему-то Виктория всегда обращала внимание именно на мужские руки. Натруженные и мозолистые, тонкие и артистические, хваткие, с красноватыми ногтевыми пластинами – ей казалось, что они говорят о мужчине больше, чем слова. У Илантьева были сильные руки, ухоженные, но все-таки знающие серьезный труд. Пока он изучал смету, его пальцы бесшумно барабанили по столу, вторя скорости мыслей предпринимателя.

Он поднял удивленный взгляд – Виктория едва успела отвести свой.

– Это все? – спросил.

Виктория выпрямилась еще сильнее, плечи опустились, а взгляд стал сосредоточенным:

– Ну, да...

Он усмехнулся:

– Вы не пугайтесь, Виктория Владимировна... Я просто удивился, потому что буквально вчера мне сотрудники делали смету на сопровождение переговоров с китайцами, так там сумма ровно в десять раз больше.

– Ну, так то китайцы, – Тори уклончиво пожала плечами, почувствовав, будто подвела неизвестных ей сотрудников «Мегастройинвеста». – В том смысле, это же международная встреча, наверняка там какой-то особый протокол. У нас ничего такого не задумано. Я пришла просить вас вы-

ступить в качестве спонсора этого мероприятия... Если это возможно, конечно.

В переговорной повисла неловкая пауза, во время которой Илантьев продолжал разглядывать свою гостью, а та – краснеть и отводить взгляд. При том, чем дольше длилась пауза, тем более пунцовыми становились щеки посетительницы. Наконец, он вздохнул:

– Даже не знал, что в наших школах еще остались такие увлеченные люди. Значит, не зря я привез сюда Дэна. – Он достал из кармана сотовый телефон. Спросил у Виктории: – Какой у вас номер?

Молодая женщина продиктовала автоматически свой номер – Илантьев умел говорить так, что его распоряжения исполнялись мгновенно и безропотно, а в следующее мгновение Виктория получила уведомление о зачислении суммы на счет. У нее округлились глаза и покраснел лоб:

– Это в два раза больше, чем я просила, – растерянно пробормотала.

Илантьев встал, обозначая, что время их встречи подошло к концу:

– Вы ведь гуманитарий, как я понимаю, не бухгалтер, не экономист... – Тори качнула головой в знак согласия и тоже встала следом за хозяином кабинета. – Думаю, не имея профильных навыков, вы все-таки допустили досадный промах в расчетах, который выйдет вам боком в ближайшее время...

Он коротко кивнул, прощаясь, и направился к выходу.

Тори поторопилась за ним:

– Погодите, но ведь так нельзя! Как я буду отчитываться перед вами за полученные деньги, как вернуть остаток... Наверно, нужно подписать договор. Или расписку...

Илантьев внезапно остановился, повернулся к своей посетительнице и посмотрел на нее сверху вниз – он оказался значительно выше Виктории. В глазах блеснула ирония:

– То есть вы искренне уверены, вам будет, *что* возвращать?

Тори опешила, моргнула. Поймав на себе его снисходительно-удивленную улыбку, отвела взгляд, затылок взмок, на висках выступила испарина – такой суммы у нее не бывало на счете даже в день получения зарплаты.

– Ну, конечно. Я же все подсчитала...

Илантьев фыркнул – скептически, как показалось Виктории – и толкнул дверь:

– У вас там как минимум одна ошибка... – Он покосился на молодую женщину через плечо, улыбнулся по-мальчишески озорно: – У вас колонки в таблице неправильно перемножены на второй странице. Отсюда и итоговая сумма ниже факта.

– Не может такого быть, – Виктория застыла соляным столбом, мечтая поскорее провалиться сквозь мраморный пол.

Илантьев засмеялся в голос:

– Может-может... Вы проверьте!

Он уже подошел к лифту, когда услышал охрипший голос библиотекаря:

– Спасибо! Мы укажем на всех буклетах, что «Мегастройинвест» стали спонсором нашей библионочи!

Илантьев остановился, резко развернулся и подошел к Виктории:

– А вот это я прошу вас не делать...

– Но... почему?

Мужчина уклончиво отмахнулся:

– Долгая история. Но я не хочу, чтобы моя фирма где-то была упомянута... Тем более, правды ради, деньги вы получили от меня как от частного лица, с моего личного банковского счета. Так что «Мегастройинвест» к вашей библионочи не имеет никакого отношения, – сообщил он, уже ныряя в кабину подъехавшего лифта, и неожиданно подмигнул окончательно растерявшейся Виктории.

Та на короткое время потеряла дар речи. Она так и стояла, чуть приоткрыв рот, пока шум поднимающегося на верхний этаж лифта не стих.

– Пойдемте? Я вас провожу, – рядом оказалась девушка-администратор, приглашая в кабину соседнего лифта. Тори пошла за ней, словно околдованная – у нее появились деньги на проект, о котором она мечтала уже несколько лет. Она будет экономной и постарается уложиться в пресловутые пятьдесят шесть тысяч рублей, а остальные вернет оли-

гарху.

С такой уверенностью Виктория Владимировна Римская вышла с закованного в бетон и хрусталь здание «Мегастрой-инвеста», пересекла парковку с дорогими машинами, на ходу отметив, что шикарная «Тойота», которую она обозначила как машину Илантьева, на стоянке отсутствовала. Она шла и не чувствовала, как ей в спину смотрел хозяин десятиэтажного бизнес-центра.

Глава 2. Отец

Антон Илантьев, вернувшись в свой кабинет, попросил секретаря принести ему кофе. Сам на ходу достал сотовый и набрал номер.

– Ты дома?

– Да, – резко ответили. – Ты меня контролируешь?

Антон отрезал:

– Я о тебе забочусь... Мария Львовна уже ушла?

Такой же раздраженный ответ:

– Да.

– Тогда суп на плите, поешь и садись за уроки. В семь за тобой заедет водитель, отвезет на самбо.

– Ес сэр, – отрезал собеседник на другом конце города. Антон даже мог представить взъерошенную макушку и злые глаза говорившего.

Он нажал «отбой», с горечью перевел дыхание. С сыном отношения не ладились.

Секретарь принесла кофе, поставила на столик у окна и тактично удалилась. Антон стоял, отвернувшись и наблюдал, как парковку пересекает молодая библиотекарь из школы его сына. Виктория Римская. Хрупкая, будто фарфоровая статуэтка, молодая женщина с бледной фарфоровой кожей и перепуганными глазами. Она смешно морщила нос, когда речь зашла о цифрах, и смущалась, когда он обнару-

жил ошибки в смете.

Ольга, вторая жена Антона, любила книги. После нее осталась большая библиотека. Разноцветные корешки, которые смотрели на Антона с легким укором – он не прикасался к ним с самой смерти Ольги. Думал уже передать в библиотеку, но малодушно откладывал это, словно еще надеясь, что их хозяйка вернется. «Может, появление Виктории Римской – это знак?» – отметил рассеянно.

Вечером, за ужином, спросил у Дениса:

– Как дела в школе?

Парень оторвал взгляд от тарелки, даже не потрудившись скрыть презрительное недоумение:

– Это допрос? Нормально дела...

В столовую, привлеченный резкими голосами Антона и Дениса, зашел лабрадор. Вытянув шею, посмотрел на хозяина, перевел темный взгляд на Дениса и сел рядом с ним, уткнувшись темным носом в колено. Бунька – как по-домашнему звали палевого ретривера Бонифация Болоньезе в семье Илантьевых – вздохнул: ссоры он не любил. Антон, бросив короткий взгляд на собаку, откинулся на спинку стула:

– Учебники получил?

Денис отправил в рот кусок отбивной:

– Сегодня пятнадцатое сентября, – пробубнил, не дожидаясь. – Как ты думаешь я учился все это время? – парень бросил еще один короткий и злой взгляд, отвернулся. Бунька опустился на пол, положил морду на ноги парня.

«Да, в самом деле, глупо получилось», – отметил про себя Антон, вслух уточнил:

– Слышал, там у вас какая-то история с библионочью намечается... Тебе это интересно?

Парень фыркнул:

– Да вот еще, нудятина. Кому это надо?

Антон пожал плечами, сердце сжалось – хоть сын и ершился, но в кои веки не убежал.

– Не знаю, мне было бы наверно интересно. Встреча с писателем, мастер класс о сюжете или об изнанке писательского мира... – Он посмотрел в потолок, вспоминая, что там еще рассказывала Виктория Римская о своем проекте.

Денис посмотрел на него с подлинным удивлением, но на этот раз без раздражения и показного презрения.

– Тебе? Ну, тогда это точно олдовское занудство, если даже тебе было бы интересно. – Он встал, собираясь уходить. Бунька посмотрел на него вопросительно, намереваясь последовать за парнем.

– То есть, чтобы тебя чем-то заинтересовать, мне просто нужно сказать, что мне это не нравится? Так просто? – Антон усмехнулся. – Окей. Мне категорически не нравится, что ты бросил шахматы...

Сын закатил глаза:

– Это не так работает, отец. Я знаю, что ты на самом деле хочешь, чтобы я занимался шахматами, поэтому твои слова ничего не значат.

Парень взъерошил волосы, сунул руки в карманы широких домашних джинсов и направился к выходу из столовой.

– Но факт самого противоречия моему мнению ты не отрицаешь? – отец выжидательно уставился в спину подростка.

Тот резко обернулся и сейчас прожигал взглядом переносицу, не находясь, что ответить. Не придумав ничего стоящего, просто фыркнул, снова нацепил презрительно-равнодушную гримасу и убежал в свою комнату. Лабрадор, собравшийся было за ним, снова сел, растерянно вильнул хвостом и обернулся на хозяина. Антон бросил сыну в спину:

– Покинув место спора ты автоматически признал собственное поражение. Запомни это! – и подмигнул псу.

Настроение испортилось. Собака подошла к хозяину, подставила под руку лобастую голову, настойчиво предлагая себя погладить.

Антон наклонился и, обхватив пса за шею, уткнулся в макушку – она пахла мокрым лесом и осенью, Бунька недавно вернулся с прогулки.

После смерти Ольги Антон надеялся, что они с сыном сблизятся – у Дениса были не слишком хорошие отношения с мачехой: ревность, помноженная на взаимные претензии, – плохой помощник. Но все оказалось ровно наоборот – Денис перестал общаться, ушел в глухую оборону и игнорировал все попытки отца найти общий язык. «Переходный возраст», – предполагал отец Антона. «У мальчика травма», – подсказывала мать.

А сам Антон понимал, что в какой-то момент упустил сына. Тот и так не мог простить ему развод с матерью, так еще и сейчас, когда он привез его на свою малую родину, к родителям и подальше от столичной суеты, воспринял это как вмешательство в его личное пространство.

«Пространство», – отстраненно повторил Антон за сыном, снова удивляясь, откуда у нынешней молодежи столь трепетное ощущение собственных границ при полном игнорировании границ чужих. Мужчина встал из-за стола, подошел к окну.

Во дворе начинался дождь. Мелкая взвесь сыпалась из набухших непогодой туч, серебрила тротуарную плитку пешеходных дорожек благоустроенного жилого комплекса. Золотистая листва обмякла, деревья ссутулились и поглядывали мрачно и неприветливо, шелестя на ветру полуголыми ветвями. Осень пришла ранняя, дождливая, не одарив город ни ласковым солнцем, ни ароматом яблок. Мужчина пожегся и скрестил руки на груди.

Решение далось легко – он взял сотовый, открыл в нем браузер и нашел телефон администрации школы и набрал номер. Конечно, ему никто не ответил – на часах уже было около семи часов.

Антон поискал в телефонной книге номер классной руководительницы сына.

– Александра Ивановна, добрый вечер, – поздоровался. – Это Антон Илантьев. Ко мне сегодня приходила Виктория

Римская, из вашей школы... А, нет-нет, что мой номер дали это не проблема, это как раз тот номер, который был заведен для таких целей... Я по другому вопросу. Вы могли бы мне дать номер Виктории или попросить ее перезвонить мне еще раз? У меня появилась идея насчет библионочи, хотел обсудить с ней.

Бунька, устроившийся было под окном и задремавший под голос хозяина, приоткрыл глаза, наблюдая за кем-то за спиной Антона. Хлопнул по паркету хвостом и широко улыбнулся в ожидании игры. Мужчина почувствовал между лопатками взгляд, обернулся – сын замер в дверях, смотрел хмуро.

Антон прикрыл динамик рукой:

– Подслушивать нехорошо...

– Ты специально, да? – Сын, казалось, был разъярен. – Ты зачем прикопался к этой библионочи?!

Антон покачал головой:

– Ваша библиотекарь обратилась за помощью, я не отказал. Имею я право как родитель участвовать в жизни твоей школы?

Сын закатил глаза, выдохнул:

– Блииин, меня и так все мажором считают, а тут ты еще со своими деньгами лезешь! Ну нафига, а?!

Александра как раз закончила диктовать номер Виктории, который Антон торопливо записал на салфетке. Поблагодарил и попрощался. Посмотрел на сына:

– Чтобы тебя не считали мажором, надо не вести себя как мажор, – он поднял вверх указательный палец. И кивнул на записанный номер. – И вот это отличный повод доказать это... Но ты можешь продолжать играть роль обиженного на весь свет папенькиного сынка.

Парень чертыхнулся и убежал. Антон коротко посмотрел ему в след, спрятав довольную ухмылку – его оружие действовало, сын злился, обижался, но не запирался. Собравшись с мыслями, мужчина набрал номер.

– Доброго вечера, Виктория Владимировна. Это Антон Илантьев...

Он почувствовал, как девушка насторожилась. Даже легко представил, как медленно она села на диван или стул – что там у нее могло быть рядом.

– Слушаю вас, – прошептала Тори, кивнув для убедительности, хотя, конечно, собеседник не мог видеть ее движения.

Антон откашлялся.

– Я не очень люблю вмешиваться в уже сложившиеся идеи и проекты, но все-таки вам предложу одну штуку, вдруг она вам покажется занятной.

– Я вас слушаю, – повторила Виктория. Ее голос стал еще более напряженным.

– Мне понравилась идея библионочи, это во-первых. Во-вторых, я готов помогать на общественных началах, и вы можете на меня рассчитывать как на родителя одного из учеников...

– Сп-пасибо, – отозвалась, словно эхо, девушка.

Антон усмехнулся:

– Я не навязываюсь, но иногда пара крепких мужских рук творит чудеса, – сказал и подумал, как двусмысленно это прозвучало, мысленно отругал себя. – Тем более, если вас заинтересует моя идея, работы окажется сильно больше.

«Да говори ты уже!» – поторопил себя Илантьев, не понимая, зачем затеял такое длительное и нудное вступление. На пороге снова показался сын, замер, сунув руки в карманы джинсов. Антон сделал вид, что не заметил парня, отвернулся к окну:

– «Мегастройинвест» – большая контора даже по московским меркам, много сотрудников, многие женаты, с детьми. Кто-то даже учится в вашей школе...

– Да-да... – голос Виктории звучал обескураженно.

«Ну, естес-ственно, чего ты еще хотел, мямлишь, как второгодник на линейке».

– ... И я предлагаю вам объединить усилия и сделать ваше мероприятие не только для школьников, но и для сотрудников моей компании. Такое семейное мероприятие на школьной площадке. С одной стороны это даст вам дополнительных зрителей, с другой – добавит помощников. Дополнительное финансирование мы возьмем на себя... Что скажете?

Он беззвучно выдохнул. «Зачем мне все это? Что я делаю?» – но отступить уже было некуда.

Виктория откашлялась.

– Даже не знаю, – призналась честно. – Если это школьное мероприятие, то проблем с директором не будет, он уже дал разрешение. А вот ваше предложение с ним надо согласовать заново, и я не знаю, согласиться ли он. Все-таки это уже не школьный формат, сами понимаете...

– Я постараюсь помочь.

Виктория усмехнулась:

– Тут, к сожалению, вопрос не в деньгах даже, поэтому ваше влияние может оказаться бессильным – в школе просто не окажется подходящих помещений. Как вы выразились, численность ваших сотрудников и так немаленькая, а если они еще и все с семьями придут... Как разместиться?

Антон кивнул:

– Хорошо. Тогда я умолкаю...

Виктория торопливо добавила:

– Нет-нет, вы меня не правильно поняли: я не отказываюсь, я все узнаю и вам перезвоню. Завтра.

* * *

Тори неторопливо выпила кофе. Она любила простой черный, крепкий, с парочкой ложек сахара. На тарелке перед ней лежали желтые ломтики твердого сыра и несколько уже остывших гренок. Аппетита не было.

Она ушла из районной библиотеки из-за конфликта с на-

чальницей. Когда-то тихая и неприметная работа библиотекаря стала внезапно социально-значимой и культурно-образующей. Библиотеки перестали быть просто библиотеками, а стали культурными центрами, центрами притяжения. Виктория активно включилась в новую реальность. Она ей нравилась. Она работала в отделе подростковой литературы. Вела небольшой блог, договаривалась, чтобы из него иногда делали репосты в районные паблики в соцсетях. К ней стали приходить подростки – за советом, что почитать, за мнением. А иногда и просто поболтать. Это только застенчивые ханжи уверяют, что подростки не читают. Читают, еще как. Только они другие – нынешние подростки. И читают они по-другому и о другом. Остро чувствуют, когда автор книги начинает манипулировать их мнением, видят фальшь и несправедливость. Они очень жесткие в суждениях – как все подростки, во все времена. Они не знали голодных 90-х и бандитских 2000-х, они не помнят очередей за хлебом и не знают, каково это – жить на одну дедушкину пенсию. Они – ростки благополучного «вчера».

Тем охотнее ребята приходили к Тори, чтобы обсудить шокирующие для них сюжеты – будь то «Поднятая целина» или «Анна Каренина».

Вокруг Виктории постоянно крутились читатели, они создали литературный клуб, делали розыгрыши книг, устроили буккроссинг, публичные чтения... Даже сценки ставили из понравившихся книг.

Культурно-образующая среда, как она есть. Так считала Виктория, весьма довольная собой и вдохновленная результатами. Начальница, как оказалось, были иного мнения.

«Вы не работаете с молодежью», – заявила как-то она.

Виктория опешила.

«Как не работаю? Вот, только что от меня ушли!»

«Ничего не вижу, ничего не знаю. Пьете чай, печеньками их приманиваете, а они культурно просвещаться должны».

«Так они и...»

Начальница продолжала, пресекая все попытки Тори оправдаться:

«Нет ни одного среза знаний, ни одного отчета, ни одной публикации с аналитикой!», – женщина подняла к потолку начальственный палец.

Без бумажки ты букашка – вот, что поняла в тот день Виктория. А потом кто-то из коллег написал на нее жалобу, что она обсуждает с детьми книги, не соответствующие возрастной маркировке, и ее вынудили написать заявление «по собственному желанию».

Виктория рыдала неделю. Ей писали ее ребята из литературного клуба, приходили к ней домой, предлагали делать квартирники. Но чувство обиды, несправедливости не позволяла Тори дышать.

И она пошла в школу.

Безликий книжный фонд, который пополнялся формально, безучастные лица детей, которые от школьной библио-

теки ничего не ждали, кроме вовремя выданного учебника, навевали тоску. Тогда и появилась идея проведения школьной библионочи – скорее не для кого-то, а для себя самой, чтобы не взвыть от безысходности.

И вот сейчас она, кажется, должна и без того сумасшедшую идею разрастись во что-то еще более грандиозное. Нет, Виктория не боялась это все организовать, была уверена, что справится, просто... сложно действовать в одиночку.

Оставив остывший и недопитый кофе на столе, она схватила рюкзак и побежала на работу – настраиваясь на предстоящий серьезный разговор с директором. Сегодня она работала до обеда, а значит беседа состоится в первой половине дня.

* * *

Беседа настигла ее практически на пороге школы. Василий Егорович будто бы случайно прогуливался в фойе. Заметив вошедшую Викторию, стремительно подошел, подхватил под локоток:

– Виктория Владимировна, дорогая! Что же вы... – Улыбнулся, хотя взгляд не предвещал ничего хорошего. Кажется, директор был взбешен.

Вика прекрасно поняла, о чем он, но предпочла удивиться:

– Что же я? – она уставилась на мужчину снизу вверх

и обезоруживающе наивно улыбнулась.

Василий Егорович резко выдохнул и развел руки:

– А то не понимаете? Мне звонил Антон Илантьев, сказал, что предложил вам расширить ваш проект...

Виктория кивнула:

– Было такое. И я отметила, что не имею таких полномочий, я все-таки школьный библиотекарь и помещение для библионочи вы мне согласовали как школьному библиотекарю...

Директор покраснел – яркие пятна вспыхнули у него на шее, чуть выше ворота рубашки, на висках выступили капельки пота.

– Ну что вы, Виктория Владимировна, в самом деле... Человек вышел с инициативой, а вы его, так сказать, по инстанциям...

– Я не по инстанциям, я к своему непосредственному руководителю, – отрезала Виктория. – Вы же мне потом сами голову открутили бы, если бы я согласилась, а у вас какой-то запрет из минобра или еще что-то, о чем я не в курсе, – Виктория высвободила свой локоть. – Как я понимаю, Антон Сергеевич вам позвонил и согласовал. Согласовал?

– Ну, конечно...

Он хотел что-то еще сказать, даже сделал шаг вперед, наступая на Тори. Та ловко увернулась к лестнице, отгородилась стайкой девчонок-пятиклассниц, приобняв их за худенькие плечи, и крикнула:

– Тогда отлично. Я тогда позднее зайду, покажу, как что нужно переделать и что подключить. Вдруг вы кого-то из руководства захотите пригласить.

«Конечно, захочу, – говорил взгляд Василия Егоровича. – И раньше хотел, а уж теперь-то подавно, не то посчитают, что я на сторону московского гостя встал и на мэрское кресло его толкаю».

Он вытер вспотевший лоб рукой, пробормотав:

– Господи ты боже мой, еще посчитают, что я кого-то подсиживаю. – он перевел взгляд на спину удаляющейся Виктории: – Надо было сразу это все прикрыть и кислород перерезать.

Тори. Почувствовав на себе взгляд, резко обернулась, махнула рукой и, окруженная девочками, так и направилась на второй этаж, в библиотеку. Девчонки на перебой ей что-то рассказывали, тянули за руки. Она вертела головой, улыбалась, да не пыталась ответить.

Директор покачал головой:

– Сплошное недоразумение вы, Виктория Владимировна.

Глава 3. Труп на Малой Бронной

– Обухов, тебя опять подняли посреди ночи? – старший эксперт-криминалист, Василий Тернов, достал из кармана пачку сигарет, вытянул из нее сигарету и неловко затянулся, укрываясь от порыва ветра. Пожал руку подошедшему Обухову. Тому было сильно за тридцать, но усталость и хронический недосып делали его старше еще на десяток лет. Тернов смотрел с сочувствием и интересом – старый, еще институтский товарищ, давно планировал уйти из следственных органов на «более спокойную» работу, стать «перебежчиком», как это называли со следственной группой. Вопрос – как долго Обухов будет оттягивать принятие окончательного решения висел в воздухе с весны.

– Да, только домой добрался, а тут опять... – Обухов оглядел приехавшую на вызов группу, отметил, что место происшествия огорожено и накрыто от моросящего дождя и любопытных глаз навесом. – Чего тут у вас интересенького?

– Интересенького у нас огнестрел с близкого расстояния, при куче свидетелей и под камерами...

Это Обухов уже знал от дежурного, принявшего вызов.

– Ух ты... Показательная вендетта? – он достал сотовый, набрал дежурного – узнать, отправлены ли ориентировки соседям, на вокзалы, и в ГАИ.

– А это уж ты разбирайся, дружище, мое дело малень-

кое – поймать следы, – усмехнулся Тернов и кивнул на развернутую вокруг трупa палатку. – Иди, тебя клиент заждался, остыл совсем...

Обухов вздохнул. Услышав от дежурного «ОВД «Пресненский», дежурный лейтенант Рыжиков у телефона».

– Рыжов, что там ГАИ по Малой Бронной? – он кивнул Тернову, направился к шатру.

– Гаврила Иванович, – отозвался Рыжов, а Обухов в очередной раз поперхнулся, услышав свое имя, которым «наградили» его родители в честь деда, – пока глухо, ищут.

– Хорошо, дергай их там энергичнее, чтобы быстрее искали.

Он отключился. Рядом, на Садово-Кудринской, куда, судя по записям с видео камер, ушел стрелявший, была патрульная машина. Патрулю сразу скинули ориентировку – свидетелей убийства хватало – молодой мужчина спортивного телосложения ростом выше 186 сантиметров, в черной куртке с капюшоном, двигался от Малой Бронной мимо Патриарших прудов в сторону Садово-Кудринской. Людей в этот час, конечно, много, а отследить в темноте ничем не примечательного парня в черной куртке без особых примет – задача непростая, но что называется «и не таких вылавливали». Но тут – сердце Обухова подсказывало – что-то пошло не так, и время безвозвратно упущено.

– Рыжов, – он снова набрал дежурного, – сбрасывай ориентировку всем постам в городе и на выездах, РЖД, аэро-

портам... Проинформируй соседей – убийца может быть вооружен. Пока по словесному портрету, данному очевидцами, получим фото с камер видеонаблюдения, поделимся...

Он мрачно посмотрел на погасшие огни иллюминации и нырнул в шатер к криминалистам, осматривавшим труп.

* * *

Илантьев позвонил около двенадцати, судя по шуму из динамика, он куда-то торопился: Тори слышала звуки автомобильной пробки, клаксонов и детский смех.

– Виктория, давайте пообедаем вместе? – сразу после короткого приветствия предложил он. – Заодно за обедом и все обсудим.

Виктория опешила:

– Когда?

– Да вот сейчас и пообедаем, я у ворот школы... вы же сегодня в школе?

Тори вспыхнула – а если бы она была занята? А если бы... Хотя, с чего бы этому «если бы» возникнуть – не на свидание же он ее зовет, этот московский олигарх.

– Я сейчас спущусь.

Она вышла через пару минут, не преминув предварительно поправить макияж – хоть у нее и не свидание, но чувствовать себя неловко она не хотела.

Илантьев ждал ее на парковке. Черный внедорожник

смотрелся рядом с новенькой «Ладой» директора словно кит рядом с мышкой – серьезно и представительно. Заметив Тори, Илантьев вышел из машины и открыл перед девушкой дверь – без излишней деликатности, предельно вежливо и бесстрастно, по-джентельменски. Даже со стороны, даже с пристрастием, этот жест нельзя было распознать как попытку ухаживания. Тори выдохнула с облегчением – как вести себя в ином случае она не знала. Сев на переднее пассажирское сиденье, Тори пристегнулась и вцепилась в ручку рюкзака.

Илантьев вел машину сам.

Ловко вырулив с парковки, он спросил:

– Вас итальянская кухня устраивает? Здесь недалеко, сын говорил, есть, как он выразился, «отпадная» пиццерия. Хочу заодно проверить...

Тори покосилась на мужчину, недоверчиво хмыкнула:

– «Отпадная» – это может оказаться совсем не про еду.

Илантьев удивился:

– А про что еще?

– Ну не знаю, разные могут быть варианты, – Виктория положила голову на подголовник, стала перечислять: – необычный и ультрасовременный дизайн, симпатичные официантки, провокационные названия блюд в меню...

– Провокационные? Например это как?

Тори прикинула:

– Да что угодно. «Сердце девственницы на гриле» или «за-

пеканка с пупочками ядовитых змей».

– А у ядовитых змей есть пупочки?!

– Ни у каких змей нет пупочков, – Тори засмеялась. – Но не всем шестиклассника это известно.

Антон усмехнулся:

– Зная, какие кадры ко мне приходят на работу на должность менеджеров да пиарщиков, предположу, что не все выпускники школы знаю, что у змей нет пупочков.

Тори пожала плечами:

– Тут не могу судить, моя выборка сильно моложе.

Пиццерия оказалась отпадной по дизайну. Антон Илантьев, бегло окинув зал, вздохнул:

– Я даже могу представить, что именно здесь показалось моему сыну «отпадным».

– И что? – Тори бросила рюкзак на свободный стул у окна, сама опустилась рядом. – Даже интересно.

Илантьев устроился напротив. Кивнул на стойку у входа:

– Вон там, видите, куча всяких черепов и металлических блях?

Тори проследила за ним взглядом.

– О, прикольно. Я думала, это какие-то клепки.

– Нет, это эмблемы всяких байкерских клубов, от калифорнийских Ангелов Ада до наших Ночных волков. Денис помешан на байках, грезит, что я ему на шестнадцатилетие мотоцикл подарю.

– А вы не подарите? – Тор лукаво прищурилась.

Антон неожиданно посерьезнел:

– А вот пока не решил. С одной стороны это заставит взяться парня за ум, получить права. С другой – мне в жизни ничего даром не досталось. Любая халява – это путь к разврату. И я не о молоденьких полуобнаженных блондинках сейчас говорю. Я говорю о разврате головного мозга, если это будет правильно так сказать.

Виктория улыбнулась:

– Наверное, все-таки лучше сказать «развращение», а не разврат.

Антон кивнул:

– Пусть так. Но суть, я думаю, вы поняли. – Он огляделся: – Так, похоже, в этом отпадном месте, нет официантов. Пойду, закажу нам что-нибудь... У вас есть какие-то предпочтения?

Виктория покачала головой:

– Я абсолютно всеядна.

Антон посмотрел с уважением:

– Вы – золотая женщина. – Он засмеялся, сгладив этим неловкость.

Когда он вернулся, Виктория успела изучить стенд с эмблемами крупнейших байкерских клубов, большинство пришлось распознавать через поисковик. Тема оказалась занятая, Тори не заметила, как вернулся Антон. В его руках оказались две коробки с пиццей, а на подносе – две бумажные кружки чая и десерты в индивидуальных упаковках. Мужчи-

на смущенно улыбался:

– Я как-то не предполагал, что меню и подача в этом отпадном месте будут на уровне студенческой забегаловки.

– А вы что хотели, мишленовский ресторан? – Виктория вернулась на свое место. – Мне кажется, у нас в городе таких и нет.

– Есть у вас все в городе, – отмахнулся Антон.

Он передал Тори стакан с чаем и упаковку с кексиком – Тори такие любила, шоколадные, с мягкой карамельной начинкой. Девушка кивнула, наблюдая, как Антон распахнул по очереди обе коробки с пиццей:

– Я не знал, какая вам окажется по душе, поэтому взял с мясную и классическую «Маргариту».

Пицца оказалась с румяным краем, ароматная, щедро посыпанная сыром и специями. Тори взяла одну дольку, скрутив ее, откусила.

– М-м, – зажмурилась, – она и на вкус «отпадная»...

Илантьев подпер щеку кулаком, задумался:

– Мой сын знает толк в пицце? Что ж, я уж думал, мне придется краснеть и дальше.

– Нет-нет, можно уже прекращать и начать обсуждать библионочь, мы ведь для этого встретились.

В глазах Илантьева мелькнуло разочарование. Он поспешно кивнул:

– Да-да. Я переговорил с директором, он не против. Так что все административные препоны сняты, что делать? Ко-

мандуйте!

Тори прожевала пиццу, вытерла пальцы салфеткой.

– Признаться, я об этом еще не думала. Я планировала нечто вроде расширенного литературного клуба, в который смогут прийти истинные любители чтения. Познакомить ребят, ведь, знаете, они комплексуют, что любят книжки, часто их считают заучками и откровенно травят. Библионочь могла бы позволить им узнать, что их много, как-то собраться и скооперироваться, чтобы не чувствовать себя такими одинокими. – Оно помолчала, наблюдая за тем, как уплетает пиццу Илантьев. – Знаете, что самое тяжелое для книгочея? Не иметь рядом человека, с которым можно обсудить прочитанное!

– Н-да, не слишком амбициозные планы.

– Собственно, я и сама не слишком амбициозная, – девушка вздохнула. – К более расширенной версии, которую подхватили некоторые педагоги, мы уже добавили исторический клуб, научно-фантастический, ребята будут делать какие-то фокусы и ставить эксперименты. Позовем писателей, местных. И я договорилась с редактором из московского издательства выступить перед ребятами онлайн, рассказать о своих новинках.

Илантьев кивнул:

– Хорошо, а сейчас?

– А сейчас я пока не знаю. При наличии финансовой поддержки, можно попробовать договориться с кем-то из писа-

телей приехать к нам.

– А это возможно? – У Илантьева округлились глаза. – Ну, в том плане, что я всегда думал, что писатели – это такие дядьки с окладистой бородой, неулыбчивые и строгие. Поэтому что все спрашивают: что хотел сказать писатель своей прозой? А он, может, ничего и не хотел говорить, а вынужден так сказать, задним числом додумывать.

Он засмеялся.

– Ну что вы, многие современные писатели, особенно детские и подростковые, очень общительные, прекрасно рассказывают, умеют увлечь подростков и убедить их родителей. Просто ради одной встречи даже со ста ребятами вряд ли кто-то поедет в другой город.

Она неуверенно смолкла.

Илантьев барабанил подушечками пальцев по столу:

– Побольше писателей – это дело. Можно еще организовать экскурсию в местную типографию... У нас, оказывается, здесь есть местная типография, которая работает почти со всеми московскими и питерскими издательствами. Можно узнать, кто там у них сейчас готовится к печати из интересных вашим ребятам писателей, связаться с ним и позвать в город – писатель посмотрит, как печатается его книга, а нам расскажет, как она писалась.

У Тори загорелись глаза:

– Круто... А это реально?

– Почему нет, если современные авторы в самом деле та-

кие активные...

– А еще можно поставить спектакль... Ко мне подходила девочка, из десятого «А», она в театральной студии. Предложила поставить спектакль. Я решила, что это очень сложно и попросила время подумать... И вот сейчас думаю – было бы классно ведь. Да? Только... – она посмотрела на Илантьева: – Поможете достать костюмы?

– Сделаю все возможное... А что там за костюмы?

– Девочка предложила что-то из Шекспира, но в современной обработке, вроде музыкального спектакля, рок-оперы или вроде того. Так что костюмы скорее нужны как некоторая стилизация.

Илантьев кивнул:

– Мне нравится идея.

Но Тори уже было не остановить:

– Я попрошу Василия Егоровича выделить нам западное крыло, там актовый зал и фойе большое, можно будет удобно разместить гостей.

Илантьев улыбался. Чуть подавшись вперед, он проговорил:

– Виктория, вы очень увлеченная девушка, мне это в вас сразу понравилось. – Виктория замолчала. Илантьев продолжал. – У меня будет к вам личная просьба, привлекайте Дениса побольше... Да, каюсь, у меня в этом деле есть шкурный интерес – мои отношения с сыном никуда не годятся, и я схватился за эту идею как за повод вернуть доверие.

– У вас какой-то затяжной конфликт? – вопрос сорвался с губ прежде, чем Виктория поняла. на сколько он бестактный. Спohватившись, выдохнула: – Простите, это не мое дело...

– Да нет, никаких проблем. И да, и нет. Развод с его матерью.

Тори кивнула:

– И что ваш сын умеет?

– Он классно дизайнерит на компьютере. В прошлом году, еще в Москве, ходил в школу веб-дизайна, увлекся и теперь постоянно что-то кулибничает. Думаю, он мог бы помочь со спецэффектами, со связью для он-лайн мероприятий. Какие-то буклеты сделать. Вы только не говорите, что это я попросил.

Виктория понимающе улыбнулась:

– Естественно. Я попрошу о помощи через его классного руководителя.

Глава 4. Версии

«Не мог он просто раствориться в воздухе», – упирался Обухов.

То, что гайцы упустили убийцу, не делало его невидимкой.

Гаврила Обухов методично перебирал проколы и пришедшие к этому раннему часу экспертные заключения есть некоторые преимущества ведения резонансных дел, начальство давит не только на следователя, но и на экспертов, а те шуршат, просто любо-дорого смотреть. Монитор компьютера давно погас, принтер подмигивал зеленой лампочкой, сообщая, что он готов к работе. Гаврила Обухов придвинул к себе распечатку карты центра Москвы, с отмеченной на ней красной точкой – местом убийства Юрьева.

В трехстах метрах по направлению к Садовому кольцу в подворотне был найден пистолет – в этом месте Обухов поставил еще одну точку. Баллистики подтвердили – именно из это оружия был убит Юрьев. Отпечатков пальцев не было, никаких особых примет тоже – «игрушка» нелегальная, украденная еще восемь лет назад и все это время пылившаяся на «дне». «Профессионал?» – озадачился Обухов. Во всяком случае, вполне мог им оказаться. Тогда, очевидно, убийство заказное.

Значит, убийца готовился заранее и продумал всё до ме-

лочей.

Обухов провел ногтем по карте в направлении предполагаемого маршрута киллера. Как бы двигался он, Обухов, будь он на месте преступника? Он бы направился в толпу.

Значит, убийца скрылся по направлению к Садовому. Обухов посмотрел в окно, вздохнул – почему так получается, что в забитом туристами и отдыхающими центре города, под десятками камер, на виду у всех, совершается преступление, и преступник спокойно покидает место преступления, идет с пистолетом триста метров, избавляется от него, а потом просто тает в ночи, словно призрак? Его никто не останавливает, его никто не опознает, его никто не запоминает. Пресловутое «меня это не касается»? Слепота и привычка к безопасности и комфорту, когда возникает ничем не подтвержденная уверенность, что с тобой ничего плохого не произойдет? Откровенный инфантилизм?

Он выдохнул – звук больше напоминал рык раненого зверя – и вернулся к бумагам.

«Нужно еще раз посмотреть наружные камеры по всем заведениям поблизости», – отметил про себя и тут же внес напоминание в блокнот.

– Гаврила Иванович, – в кабинет заглянул молодой стажер, приставленный к Обухову на время прохождения практики, неопытный и, видимо, бессмертный – все сослуживцы знали, что Обухова по имени не звать. Мужчина поднял тяжелый взгляд на практиканта, надеясь, что его проймет. Тот

икнул. – Там Влада Свиридова из отдела по связям с общественностью, насчет смерти Юрьева. Хочет задать пару вопросов...

Обухов вскинул голову, посмотрел мрачно:

– Чего ей в главке-то не сидится?

Обычно связями с общественностью занимался специальный человек, который с этой общественностью умело общался – и камеры не боялся, и говорил складно. Влада Свиридова была как раз из их числа. Она закончила юрфак, но в уголовном розыске себя не нашла – не по зубкам ей оказался этот орешек. Тогда она пристроилась рядом в качестве пресс-секретаря. Обухов поморщился – выходило, что Свиридова – бездарь-неудачница, а на самом деле это было не так, да и Обухов так не думал. Свиридовой повезло – она раньше многих поняла, в какое дерьмо вляпалась и смогла вовремя скорректировать свое будущее, сохранив при этом лицо и не изменив при этом рыцарской мечте – бороться с преступностью.

– Ну, проводи ее в кабинет. – Он неторопливо убрал со стола все бумаги, тщательно прикрыл титульные листы папок с делами, отодвинул к дальнему углу стола. Подумав, переложил на подоконник и загородил кактусом.

Стажер мялся на пороге:

– Так она того, Гаврила Иванович... У шефа... там ждет.

Обухов замер, выпрямился и посмотрел на парня с неммым укором, но ругать не стал – итак парень одной ногой в пе-

реквалификации на гражданскую специальность стоит, этак скоро преступников ловить некому станет, никаких кадров не напасешься.

Он кивнул, встал, на ходу сгребая ключи от кабинета и оправляя форменную куртку.

Влада Свиридова была невысокой блондинкой чуть за тридцать с пронзительно-внимательным взглядом. Такой хотелось сразу во всем сознаться, потому что ее взгляд говорил – она знает о тебе всю подноготную. Обухов усмехнулся, поздоровавшись, занял место напротив.

– Гаврила Иванович, – Влада посмотрела на него в упор без тени кокетства. – Рада, что смогли уделить мне пару минут.

«А уж как я рад», – отозвался про себя, вслух максимально отстраненно сказал:

– Всегда к вашим услугам.

Шеф мрачно откашлялся, напоминая, что он – хозяин кабинета, а в реверансах тут раскланиваться нет времени. Гаврила перевел на него взгляд, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди, вытянув при этом под столом ноги.

– Ты давай, Гаврила Иванович, не тяни, расскажи Владе Олеговне все, что к этому моменту известно. Сам понимаешь, дело резонансное, ее дергает общественность. В наших же с тобой интересах, чтобы ей было, чем так сказать отстреливаться.

– А я что, я разве мешаю? – Обухов обезоруживающе

честно моргнул. – Я Владе Олеговне по ее запросу все-все, что она просила, отослал, оформил в лучшем виде, полную справочку.

Вот откуда у него это всплыло «вопросик», «справочка»? Он одернул себя и покосился на Владу – по лицу понял, что она заметила. Побледнела. В чертах лица появилось что-то ведьмовское, хищное. Попадись такой на темной аллее – ухо откусит.

«Это тебе за «Гаврила Иванович»», – он прищурился и посмотрел на молодую женщину. Та вздохнула и на мгновение закатила глаза – поняла.

– Значит, не полную, – шеф хлопнул ладонью по столу, – раз Влада Олеговна сюда сама пришла, да еще ко мне заглянула!

Шеф быстро взял себя в руки. Выдохнул:

– Давай-давай, рассказывай новости и иди работать, не отвлекай людей!

Обухов подался вперед, положил локти на стол.

– Новостей особо нет. Гайцы нашего убийцу все-таки прое... прошляпили. Все ориентировки разосланы соседям, пока информации ноль. Найденный пистолет по другим делам не проходит, был похищен у охотника Маликова восемь лет назад. Там все прозрачно – разрешение, лицензия, условия хранения. Вскрыт сейф при краже из дачного домика, вынесены деньги, ценности и пистолет. Причастные не найдены. Кое-что из краденный цапек всплыло в деле прости-

тутки Альмы, пойманной на наркоте... Слышали, наверно, это дело, там соседи изрядно поработали... – Влада кивнула. – Ну вот. «Пальчики» на пистолете не отпечатались. Жду расшифровку с камеры видеонаблюдения у входа в бар «Элементарии», надеюсь, что убийца как-то засветился на них. Сделаю аналогичное по близлежащим камерам по маршруту его следования, но... Сейчас это все равно что искать иголку в стоге сена. Он покинул место преступления и залег.

– Думаете, заказное? – Влада сделала пометку в блокноте.

Обухов неопределенно кивнул:

– Отрабатываем окружение Юрьева... Основные версии – бизнес, личные мотивы.

– А что с личными мотивами?

Обухов почесал над бровью:

– Юрьев неплохо продвинулся в последние два года. С женой в состоянии развода, с одной любовницей расстался, находился в поиске новой...

– И там все так, что могло вылиться в заказное убийство? – Влада подняла на него глаза.

Обухов почувствовал, как в голове помутнело, мысли улетели, словно воздушный змей, подхваченный порывом ветра. Начальник снова откашлялся.

Гаврила Иванович отвел взгляд:

– Мы сейчас как раз занимаемся этим вопросом.

– Тебе, может, людей подкинуть? – без особого энтузиазма поинтересовался шеф.

Обухов отрицатель качнул головой:

– Пока справляемся. Но я маякну, если появится такая необходимость... Я могу идти? – он привстал и вопросительно посмотрел на шефа.

– Иди, – тот скомандовал.

Обухов вышел и, стремительно пробежав через приемную, спустился пешком на первый этаж, выскочил на крыльцо и только там глубоко вздохнул. От сладкого, горьковато-пряного воздуха, пропитанного опавшей листвой и сизым дымом, закружилась голова. Обухов согнулся пополам, уперся в колени. Прикрыл глаза, прислушиваясь к шуму огромного города. Звон трамвая, обиженный клаксон, приглушенный хохот подростков. Где-то отчаянно плакал младенец.

За спиной протяжно скрипнула, открываясь, дверь.

– Я уж думала не попрощаешься со мной...

Мягкий голос заставил вздрогнуть. Обухов открыл глаза, выпрямился, но обернулся не сразу, словно оттягивая момент неизбежного. Щелкнула зажигалка, потянуло сигаретным дымом.

– Ты так и не бросила курить? – спросил грубовато и наконец обернулся: Влада стояла, прислонившись бедром к поручню, и, чуть склонив голову к плечу, рассматривая его. Зажатая между пальцев сигарета была отставлена в сторону. От нее поднимался серо-голубой дым и тянуло миндалем.

– Как видишь, – она пожала плечами. – Ты неважно выглядишь, Гавр...

Это небрежное «Гавр» когда-то выводило его из себя. Сейчас воспоминания укололи под ложечкой, перебаламутили кровь.

– Зачем ты приехала?

– Это моя работа, – напомнила она и отбросила сигарету, так ни разу и не затянувшись: она все-таки бросила курить, а сигареты таскала с собой по привычке. Сейчас жалела, что схватилась за них. Но не стоять же столбом за спиной Обухова в ожидании его ответа.

Обухов проследил за окурком, упавшим точно в центр урны, пробормотал:

– К черту...

Влада рассмеялась:

– Не нервничай, я не буду тебе докучать. Была в твоём районе по другому делу и решила заглянуть... Вижу, что зря. Больше не стану.

И, не оглядываясь, она быстро сбежала по ступенькам и пошла к черной «Волге», ждавшей ее на парковке.

На душе Обухова остался привкус ее духов – жгучий перечный, почти мужской аромат, – тоска под ребрами и ворох потревоженных воспоминаний. Они разошлись с Владой полтора года назад и все это время тщательно избегали встреч друг с другом. Не враждовали, помнили о днях рождения и дежурно поздравляли друг друга. «Желаю всего самого хорошего!». Иногда пересекались на общих вечеринках – все-таки годы в универе подарили им немало общих

знакомых и друзей. Но всякий раз делали вид, что едва знакомы друг с другом.

«Почему мы расстались?» – вдруг озадачился Гаврила.

Он помнил безумные ночи, как она улыбалась, склонившись к нему и осыпая шелком белокурых волос. Помнил, как пахли ее руки – терпко и чуть горьковато.

Но напрочь забыл из-за чего они расстались. Вот была Влада Свиридова, а потом на ее месте, словно воронка от взрыва, образовалась пустота.

– Да ты, Обухов, романтик, – пробормотал он, наблюдая, как со стоянки выезжает ее «Волга» и надеясь, что Влада оглянется. Тогда он помашет ей рукой. Словно надеясь на новую встречу.

Мгновение отчитывались ударами сердца – гулко и напряженно.

«Волга» притормозила на КПП – Обухов видел сосредоточенный профиль Влады.

Приготовил руку, чтобы махнуть.

«Волга» тронулась, быстро занимая место в потоке машин. Рука Обухова так и осталась вытянутой в неопределенном жесте. Покраснев и откашлявшись, он сунул ее в карман.

На что он, собственно, надеялся?

Глава 5. Неудачный вечер

Краснодар, понедельник

Антон возвращался из офиса в странном настроении. Он его хорошо знал – это настроение. Сердце kloкотало, будто намереваясь вырваться из груди, в ушах шумела кровь, мысли лихорадочно метались. Предчувствие.

В один из таких дней от него ушла Ирина.

В один из таких дней он узнал, что Ольга неизлечимо больна.

Уже при подъезде к дому сердце замерло, сгруппировавшись и приготовившись принять очередной удар.

Илантьев объехал неудачно припарковавшуюся темно-зеленую Мазду, которая неудобно загородила проезд. Антон бросил рассеянный взгляд в салон – внутри водителя не оказалось, направил свою машину на парковку.

Жилой комплекс, в котором Илантьев купил квартиру, был в самом центре города, окруженный садом, прогулочной зоной и уютными беседками, в которых можно было укрыться от непогоды или жары. Золотистые огни горели в окнах соседских квартир. Огромные окна искрились золотом, приглашая в тепло и уют со вкусом обставленных квартир. Но чем ближе Антон подходил к подъезду, тем тревожнее становилось на душе.

Он вздохнул в лифте. Постарался перевести дыхание и со-

средоточиться на хорошем, что случилось за день. Отлично закрытая сделка с арабами, для нового жилого комплекса будет эксклюзивный интерьер в восточном стиле – большая редкость для столицы, а уж для местной публики вообще будет из ряда вон. Чтобы привлечь инвесторов, Антон выделил крыло, в котором предложил устроить галерею современного искусства, с помещениями для творческих коллективов и небольшим концертным залом на триста мест. В него можно было загрузить как оборудование для кинотеатров, так и ресторанные столики, отмечать праздники.

Он был любителем необычных проектов. Иначе ему становилось скучно.

Зам снял претензии заказчика по стадиону, который строили в области. Отделались, что называется, легким испугом.

В общем хороший день был.

За такие обычно приходится больно расплачиваться.

После того, как заболела Ольга, он вообще боялся успеха. Он иной раз предпочел бы подставиться под штраф или неустойку, чем выйти сухим из воды – деньги в его жизни не стоили ничего, а вот судьба потом жестко била по самому больному, по близким. Судьба словно напоминала ему, чтобы он не забывал знать свое место, чтобы не поднимал слишком высоко голову и не задирал подбородок. Он и не задира, пахал по четырнадцать-пятнадцать часов, иногда без сна.

Под ложечкой сосало – верный признак надвигающейся

катастрофы.

Антон Илантьев вышел на лестничную клетку, открыл дверь своим ключом – чтобы успеть услышать беду до того, как она ударит его под дых. Большая пятикомнатная квартира встретила его гробовым молчанием.

Мужчина бросил ключи в ключницу на комоде, поставил портфель и, не снимая пальто и не разуваясь, прошел внутрь. Ковры мягко приглушали звук его шагов, кровь пульсировала в венах.

Из его спальни, громыхая когтями и скользя по паркету, выскочил Бунька. Он тряхнул головой, на ходу расправляя заспанную морду и распрямляя помятые усы. Второпях он наступил на свою лежанку, потерял равновесие и, рухнув на передние лапы, прокатился до хозяина на нем, словно на ледянке. С размаху ткнулся влажным носом в колено Илантьева. Антон потрепал собаку за ушами:

– Ты опять все проспал, охранник, – Бунька сладко зевнул, сел и посмотрел через свое плечо на кровать хозяина. Антон догадался: безобразник опять спал не на месте. Подхватив лабрадора под нижнюю челюсть, заглянул в глаза: – Если постель помята, не дам косточку.

Лабрадор округлил карие глаза, жалобно вздохнул и, улыбнувшись, постарался лизнуть в щеку. Антон увернулся, отодвинул собаку. Прошел по квартире дальше. Бунька, всегда очень чувствительный к семейной беде, вел себя как обычно. От сердца почти отпустило – неужели показа-

лось? Неужели он просто накрутил себя от усталости?

Дверь в комнату сына распахнулась. «Рано обрадовался», – сразу понял Антон, только взглянув на сына.

– И когда ты мне об этом собирался сказать? – без приветствия бросил тот.

Бунька наострил уши, насторожился, прилег на передние лапы смешно оттопырив зад.

– О чем? – Антон стянул с плеч пальто, сбросил туфли. Он направился в прихожую, чтобы разместить все по местам.

– Не смей от меня уходить! – взвизгнул Денис у него за спиной. У парня началась ломка голоса, и он изменялся в самый неподходящий момент. Вот как сейчас.

Антон уже понял, что бури не избежать, и то, о чем болело в предчувствии сердце, сейчас неминуемо произойдет. И эта неминуемость и неотвратимость как-то успокаивали. «Зато жив и здоров», – привычный разум сразу подкинул что-то положительное в качестве компенсации разгорающегося конфликта.

Бунька, подхватившись, побежал за хозяином. Антон с сочувствием посмотрел на пса: «Нет, дружище, буря не миновала, все только начинается», – и потрепал лабрадора по холке. Обошел вдоль стены:

– Я не уйду, я убираю вещи на место... – сообщил безмятежно.

Он пристроил пальто на вешалку, ботинки – в обувницу, и вернулся в холл. Лабрадор задержался у входа, намекая,

что уже готов к прогулке, но поняв, что хозяева ничего подобного не планировали, рухнул на пол и громко кляцнул зубами.

– В чем проблема, сын? – Антон направился в спальню, на ходу расстегивая рубашку и расслабляя узел галстука. Пиджак ловко повесил в шкаф, рубашку бросил на кровать, отметив четыре вмятины на одеяле и шерсть на подушке. Бунька, заглянув было за ним в спальню, но поймал осуждающий взгляд хозяина и деловито лег на свою лежанку.

Денис появился в дверях, Антон отметил, что парень не на шутку взбешен – глаза горят, на бледных щеках алый румянец, будто при гриппе. Спросил озабоченно:

– Ты нормально себя чувствуешь?

– Нет... – Сын выдохнул. Активировав экран сотового, сунул его под нос отцу. Антона будто ледяной водой окатило – на фото были он и Тори, мило беседовавшие у его машины. Это было вчера, они снова встречались во время обеда, Тори поделилась информацией по спектаклю, принесла перечень необходимых костюмов и инвентаря. Кое-что было снабжено рисунками на вырванном из тетради клетчатом листе. Он ведь обещал помочь с костюмами, вот и огребался теперь. Но на фото они с Викторией выглядели так, будто у них роман.

«А у нас нет?» – спросил себя и тут же одернул – нет, конечно. Просто деловые отношения, общий проект. Ракурс был такой, словно Виктория увлеченно слушала его – на гу-

бах играла мягкая улыбка, руки расслаблены, а взгляд обращен на Антона. Лицо Илантьева при этом оказалось в тени. А потому, что именно он говорил и с каким выражением лица – было неясно.

Антон поймал себя на мысли, что с удовольствием разглядывает Викторию – на фото солнце подсвечивало ее волосы, добавляя им рыжину, ей это шло. Интеллигентная, интересная девушка, увлеченная.

– Молчишь?! – Денис выдернул его из раздумий, перелистнул кадр в галерее – там снова Антон и Тори, только теперь в кафе, голова к голове. Фото сделано с улицы. И снова выглядело так, будто о чем-то мило воркуют. Разве что не целуются.

Илантьев посмотрел на сына:

– Ты за мной следишь?

Денис вспыхнул:

– И это все, что ты мне хочешь сказать?! – голос парня снова изменил ему и сорвался на визг.

Антон взял с полки футболку, натянул ее через голову. Он пытался понять, на сколько неправильно это все могло выглядеть – их общение с Тори. Дело в том, что ему и в голову не пришло, что могут быть какие-то разнотолки – да и в конце концов, не в средневековье же живем! Поэтому свой ответ он начал именно с этого:

– Я многое могу сказать, но сперва хочу напомнить, что я взрослый человек, и вовсе не обязан перед тобой отчиты-

ваться с кем и когда встречаюсь. – Он посмотрел на сына, добавив: – И по какому поводу.

У парня окаменело лицо – не такой ответ он ожидал.

– Так у тебя с ней роман? С Торпедой? – Денис презрительно прищурился. – То-то я думаю, что за фигня с этой библионочью, а ты просто придумал способ склеить новую подружку...

Антон как раз переодевал брюки, менял на домашние джинсы. Услышав прозвище Виктории замер.

– «Торпедой»? Это ты о Виктории? – он развернулся. – Сын, мне не нравится, когда ты в таком тоне отзываешься о взрослых. Что за прозвища?

– Да мне пофиг, что там тебе нравится, а что нет! – вспылil сын. И бросил обидное: – Кобель ты, вот ты кто! Я думал все, Ольга сдохла, угомонишься. К матери вернешься. Зачем еще в эту дыру возвращаться, как не за этим?! Терпел эту идиотскую школу, эти идиотские закидоны твои, ждал, когда же ты объявишь о своем намерении. Дождался...

Он говорил так осознанно, так зло, что Антон сперва остолбенел – он не знал, что его сын может так говорить и думать.

– Денис, ты что такое говоришь? При чем здесь Ирина... Как тебе не стыдно.

– Это мне стыдно?! – опять взвизгнул сын. – Это тебе должно быть стыдно, без бабы и дня прожить не можешь. Только одну на кладбище спровадил, уже новую в постель

тащишь!

Антон размахнулся и ударил.

Пощечина получилась звонкой, будто треснувшее зеркало. Они стояли с сыном по разную сторону этой трещины, и не дышали. Один – схватившись за полыхавшую огнем щеку. Другой – чувствуя, как отсыхает ладонь, ударившая – впервые – сына.

– Ненавижу, – коротко выдохнул тот.

– Денис! – Антон шагнул к сыну в попытке перехватить его, но парень развернулся на пятках и выскочил из спальни. – Денис!

Антон бросился за ним, опоздал на одно мгновение – сын скрылся в своей комнате, с шумом захлопнув за собой дверь и повернув замок. Илантьев дернул ручку, постучал:

– Сын, выйди, нам нужно поговорить. Как мужчина с мужчиной.

Глухое молчание в комнате было тяжелее, чем скандал. Лучше бы Денис продолжал орать, бил бы мебель или разбрасывал вещи: Илантьев знал, как с этим справиться. Но как справиться со стеной, которая выросла между ним и сыном?

– Дэн, открой, – он предпринял еще одну попытку поговорить. – Прости, я не должен был тебя бить...

Он опытнее, он старше, он должен извиниться первым – так научил его отец.

Он снова постучал.

В комнате было тихо.

Антон оставил сына. Принялся разогревать приготовленный помощницей по хозяйству ужин, то и дело прислушиваясь к происходящему в комнате Дениса. Бунька, решив, что гроза позади, устроился в проходе, притащил из коридора ошейник и демонстративно положил перед собой.

Илантьев подозвал лабрадора к себе, надел ошейник.

– Пойдем, погуляем, в самом деле.

Он набросил на плечи куртку, надел кроссовки и вышел из квартиры. Бунька торопился рядом, суетился и подпихивал его.

– Веди себя прилично, – пригрозил собаке Антон, защелкнул поводок.

А когда он вернулся, квартира оказалась пуста.

* * *

Дверь в комнату Дениса оказалась приоткрыта. Это обрадовало Антона.

Легонько толкнув ее, он заглянул внутрь, сразу отметив не расправленную постель и бардак на столе.

– Денис? Ты дома?

Сына в комнате не было.

Антон обошел квартиру, заглянул в каждый уголок, потом вернулся в комнату, надеясь среди обрывков бумаг найти записку – куда-то же сын направился на ночь глядя. Но ничего

не обнаружил.

«Куда он мог отправиться?».

К кому-то из новых одноклассников, очевидно.

Антон озадачился – он не знал никого из новых друзей сына.

Звонить классной – слишком поздно, да и это как-то сразу невыгодно подсветит их семью, вроде как он не справляется с парнем. Еще в прессу сообщит, вот тут раскрутят тему на все сто процентов. Или этим воспользуется Ирина, решив отсудить право проживания с Денисом. Впрочем в последнее он верил с трудом – бывшая супруга не слишком настаивала на совместном проживании при разводе.

Илантьев вздохнул – надо взять себя в руки и подождать. Денис закусил удила, он проветрится и вернется. Он никогда не выкидывал такие штуки.

«Но и ты никогда его прежде не бил», – напомнил он себе.
– Черт возьми...

* * *

Москва, ночь убийства Юрьева

В тот вечер Линда уже жалела, что пошла с подругой – та пригласила своего парня и его друга, должно было получиться двойное свидание, но все пошло не по плану – новый знакомый, представившийся Олегом, оказался скучным, нервничал и постоянно невпопад шутил. Ей стало жаль его,

он так старался ей понравиться. Но там, где появилась жалость, умирает последняя искра романтики – Линда поддерживала разговор, улыбалась, даже отвечала на неловкие ухаживания Олега, но держала дистанцию. И втайне искала повод, чтобы ускользнуть.

Мимо проходил парень – высокий, спортивный, в модной куртке с ярко-зеленым рисунком в стиле стрит-арта. У него были чуть выющиеся светло-пшеничные волосы до плеч и яркие глаза. На губах блуждала улыбка – парень кого-то искал.

Линда подняла вверх руку, крикнула ему:

– Привет! – словно старому знакомому. – Сергей!

Имя пришло на ум – он мог быть Сергеем или Антоном, Вадимом или Сашей – ей было все равно, она надеялась, что он поймет, что ей нужна помощь и подыграет ей.

Он остановился в паре метров у их столика, мгновенно оценил обстановку, считав взглядом удивление на лицах обнимающейся парочки и легкую враждебность – на лице белобрысого парня, пытающегося положить руку на плечо рыжеволосой девушку, что его окликнула.

– Привет, – он шагнул к столику. – Не знал, что ты здесь. Рад видеть.

Линда просияла – он понял.

– Да, вот, заглянули с друзьями после пар. Присоединишься? – и она ловко сдвинулась в угол дивана, освободив место рядом с собой.

Незнакомец, откликнувшийся на ее зов, едва заметно ух-

мыльнулся и плюхнулся рядом с ней. Протянул руку парню напротив:

– Сергей.

– Влад. Это Марина, – он кивнул на свою девушку, потом – на недобро поглядывавшего на незнакомца товарища, – Олег. Линду, как я понимаю, ты уже знаешь. Кстати, откуда? – он прищурился.

Линда успела ответить раньше «Сергея»:

– Познакомились на байк-шоу... На которое ты не пошла, помнишь?

У Марины округлились глаза:

– Это тот самый?

«Сергей» протестуя поднял руки:

– Я не знаю, что Линда про меня наговорила, держу пари, это все неправда...

– Правда, правда, – Линда прильнула к нему, отметив, что у него очень холодные руки, словно он давно находился на улице и изрядно продрог. Она даже коснулась рукой его пальцев – они были ледяными и чуть покраснели. – Он классно целуется, просто улет.

«Сергей» посмотрел на нее сверху-вниз, поймал вопрос во взгляде, уклончиво отозвался:

– Тебе виднее...

– А что ты еще умеешь делать, Сергей-который-классно-целуется? – Влад выглядел все более враждебно.

Сергей пожал плечами:

– Так байкер же я...

– И где же твой байк?

– Где надо, там и байк, – он демонстративно развернулся к Линде: – Поехали кататься? – И не дожидаясь ответа, повернулся к Олегу и Владу: – Прошу прощения, парни, что похищаю у вас Линду, обещаю, верну в целости и сохранности.

Он встал, протянул рыжеволосой девушке руку и ослепительно улыбнулся. Линда, поймав собственное отражение в его глазах – томных и зовущих – стремительно, будто очертя голову, поднялась. Ее успела перехватить подруга:

– Лин, не надо... Мы же даже не знаем, что это за чел...

Линда отмахнулась – «Сергей» кем бы он ни был, спас ее от скучного Олега, причем сделал это виртуозно.

– Не волнуйся, я позвоню.

Она наклонилась к Олегу:

– Слушай, ты классный, но я вижу, у нас как-то не клеится. Я, наверно, не совсем в твоём вкусе. Я не в обиде.

И прежде, чем Олег что-то успел возразить, оторопело моргая от неожиданного поворота, Линда, на ходу сорвав с вешалки куртку, упорхнула вместе с незнакомцем.

На крыльце, чтобы убедить своих друзей в реальности происходящего, повисла на руке «Сергея» и, потянувшись, поцеловала его в щеку. Парень оказался не промах – подхватив девушку, он приподнял ее, почти опрокинув на себя. Скользнул по спине вверх, и, положив ладонь между ло-

паток, поцеловал. Слишком откровенно для минутного знакомства, слишком уверенно и страстно – будто весь вечер мечтал только об этом. У Линды подкосились ноги, закружилась голова. Странное, будоражащее чувство чего-то запретного, чего она невольно коснулась, заставило усомниться в происходящем. «Сергей» чуть отстранился и заглянул в глаза:

– Ну, как ты оцениваешь мое настоящее умение целоваться?

Линда просияла:

– Уле-ет!

– Поехали к тебе?

Линда, замороженно утопая в его взгляде, греясь в тепле его откровенных рук, продолжавших прижимать ее к сильному телу парня, кивнула.

Он опустил ее на асфальт, обхватил пальцами запястье и потянул дальше, в сторону Садового кольца. Где-то за спиной кричали полицейские сирены, мигали синим и красным проблесковые огоньки. Линда оглянулась:

– Там что-то произошло...

– Какая разница, нас это все равно не касается! – «Сергей» лукаво усмехнулся и снова рывком привлек ее к себе, чтобы на этот раз чмокнуть в нос – легко, едва коснувшись пальцами виска и скользнув по плечу.

«Господи, ты ли это, Линда Грасс?» – успело мелькнуть в голове прежде, чем она увидела байк «Сергея».

– А мы в самом деле не знакомы? – она улыбнулась, на мгновение замерев.

«Сергей» пожал плечами:

– Ты искала меня, окликнула... какая теперь разница, верно?

Он протянул ей шлем, а сам нацепил свой и, ловко перекинув ногу через сиденье, завел байк. Линда следила за его движениями, смотрела с любопытством – такого приключения у нее еще не было. Словно почувствовав на себе ее взгляд, парень обернулся. Подняв защитное стекло, спросил:

– Так мы едем?

Линда назвала адрес.

* * *

Они мчались по ночной Москве, отражаясь в темных зеркалах витрин – стремительная тень. Черные лужи расплескивались под колесами, словно крылья печальной птицы, а ветер рвал звуки и голоса, оставляя их наедине со временем.

Он был ласков, «Сергей». Словно Врубелевский демон, он окутал ее теплом и заботой, позволив отражаться в его глазах и забыть, что их встреча – случайность, что «завтра» для них не наступит никогда. Потому что нет никаких «они».

Утром, едва серые сумерки коснулись крыш, затушив ночные огни, он аккуратно высвободил свою руку из-под головы Линды и сел. Он собирался, оставляя за собой смятую

постель и потускневший взгляд девушки.

– Ты даже не скажешь, как тебя зовут? – спросила та.

Парень обернулся, посмотрел с улыбкой:

– Сергей, мы вроде договорились.

Линда прикрыла глаза, прошептала обреченно:

– Ну, конечно...

Они больше никогда не увидятся – она поняла это со всей ясностью, почувствовав, как выпрямился матрас, коротко вздохнув, освободившись от тяжести мужского тела. Удаляющиеся шаги и тихий шелест двери, оборвавшей течение невероятной и стремительной ночи, это только подтвердили.

Глава 6. Еще более неудачное утро

Краснодар, вторник

– Вы сегодня какой-то рассеянный, – Виктория смотрела с сочувствием. – У Вас все в порядке? Мы ведь можем все это, – она окинула взглядом разложенные на столе эскизы декораций, – обсудить позднее.

Антон покачал головой:

– Нет-нет... с сыном немного повздорили, – сообщил Антон, – а это все хоть как-то меня отвлекает.

Тори кивнула:

– Хорошо. Если я могу чем-то помочь, скажите.

– К сожалению, нет. Я справлюсь, не переживайте.

Сын все-таки не пришел ночевать. Антон прождал его до утра, поднял шефа службы безопасности «Мегастрой-инвеста» – тот поднял охрану жилого комплекса, кое-кого из знакомый ментов. Стало ясно, что Денис вышел из дома сразу после того, как Антон отправился выгуливать собаку. Дождлся, когда отец скроется за ограждением площадки для выгула собак и выскочил из подъезда. С ним был рюкзак и спортивная сумка – значит, он собрал его или вечером, после конфликта, или еще днем, заранее готовясь к побегу. Антон проверил вещи в комнате – сын взял белье, теплые вещи, ноутбук, читалку, наушники, зарядные устройства, все накопленные деньги и школьные тетради. «Ответственный

мальчик», – улыбнулся Антон: значит, сын не намеревался бросать школу и ударяться в бега. Хотя это радовало.

След Дениса потерялся на остановке – он сел в первый подошедший автобус. Антон изучил его маршрут, но автобус ехал в другой конец города, где у Дениса не могло быть никаких знакомых. «Или могли. А ты об этом не знаешь?» – одернул он самого себя. В самом деле, как бы это ни было горько признавать, сына он почти не знал.

«Откуда, интересно, у него эти фото?».

То, что он следил за отцом, было практически исключено – Денису такое вряд ли бы пришло в голову. Да и, будь он в том кафе, он бы знал, что они с Викторией работали, видел бы документы, распечатки и нарисованные от руки эскизы – Антон как представитель строительной фирмы предложил обновить школьные декорации: сделать специальный стойки и подрамники, которые можно было бы в дальнейшем использовать как основу для декораций будущих спектаклей. И с Тори они как раз пытались выработать какой-то универсальный конструктив, удобный, легкий, что важно для школы, безопасный. Ну, не мог он не заметить, будь он там, за окном, что между отцом и Викторией нет ни капли романтики.

«Или есть?» – он повернулся к Тори.

Она очень миловидная. Хрупкая и складная одновременно, не полная, но и не худышка, что называется «в теле». У нее темные волосы и это очень шли ей, даже если

цвет не был натуральным. Виктория почти не пользовалась косметикой, но благодаря светлой, фарфорово-чистой коже и черным волосам, этого и не требовалось – она была все равно заметной. Правда, ни капельки не женственной и не кокетливой. Словно она не воспринимала Антона за мужчину. Это немного задевало.

– Виктория, а почему мы с вами на «вы»? – неожиданно спросил Антон, невольно оборвав рассуждения девушки – он все равно упустил их нить.

Виктория приподняла брови:

– Вроде бы это базовые правила делового общения... – она перевела взгляд на мужчину. – Вас это как-то напрягает?

– Да нет, – Антон осекся и засмеялся. – Глупо, да?

– Что именно? Согласие через отрицание? – Тори смотрела на него с удивлением, и Антон уже пожалел, что затеял этот разговор. Но девушка достала сотовый и активировала экран. Быстро найдя что-то, она развернула экран Антону: – Пролистайте вперед.

Фото Виктории и Антона у его машины, в кафе, склонившись голова к голове, у магазина обоев, где они выбирали декор для сцены... Те самые фотографии, которые Денис вчера вечером показывал ему.

– Что это? – мужчина перевел взгляд на Викторию.

– Фотографии из школьного чатика, – девушка закрыла фото и распахнула прикрепленное к ним сообщение. «Работа над библионочью в самом разгаре. Нашей Виктории Вла-

димировне удастся увлечь все больше заинтересованных помощников!». – Кто-то нас с вами случайно увидел на улице и сделал снимки...

Антон недовольно откашлялся:

– А про неприкосновенность частной жизни этому «кому-то» известно?

«По крайней мере понятно, откуда у Дениса эти фотографии», – Антон в каком-то смысле испытывал облегчение.

Виктория убрала телефон, пожала плечами.

– Затея, конечно, на грани. Но с другой стороны – какая частная жизнь? – она поправила волосы, убрав выбившуюся прядь за ухо. – Мы занимаемся общественным делом, верно? Скрывать нам нечего. Я это вам и показала только потому, что вы предложили перейти на более неформальное общение: вы должны понимать, как это может быть расценено.

– А вам не все равно?

– Мне – нет, не все равно. Я работаю с детьми, это требует честности.

– То есть встречаться с тем же, с кем работаешь, бесчестно, с вашей точки зрения?

Виктория улыбнулась:

– Нечестно это отрицать. А я отрицаю, что у нас с вами что-то больше, чем Библионочь. И предпочла бы, чтобы это было не половиной правды.

Антон не понял:

– Это как?

– Ну, я о том, чтобы это было не только с моей стороны, но и с вашей.

Илантьев покачал головой:

– Вы не можете мне приказывать. Свобода воли и тэдэ.

Виктория насторожилась. В ее взгляде промелькнуло недоумение и не то обида, не то разочарование:

– Вы меня сейчас пугаете, – сказала она, наконец. – Знаете, у меня предложение: давайте проведем библионочь, а потом, если сохранится такая потребность, вернемся к сегодняшнему разговору.

Антон почувствовал, что его мягко отбрили, исключив даже эфемерную возможность ухаживания. Он засмеялся:

– Хорошо, пусть так. Но обещайте мне, что после библионочи у нас будет по крайней мере одна неформальная встреча... ужин, например.

Виктория задумалась.

– Если вы пригласите, я пойду. Обещаю.

* * *

Он подвез Викторию к школе – так, словно не было этих фото или они ничего не значили. Когда Виктория выходила из салона, заметил толпу старшеклассников у калитки. Вышел из машины:

– Виктория Владимировна, – окликнул.

Виктория замерла. С удивлением обернулась. В глазах за-

стыл вопрос.

Антон бросил короткий взгляд на притихших от любопытства старшеклассников.

– Я завтра к вам сметчика пришлю и замерщика, чтобы они сами все посчитали по этим стеллажам для декораций. Вам во сколько удобно?

Он обошел машину и встал около Виктории.

– Да пусть с утра, подходят...

– Хорошо, договорились. Всего доброго, – он протянул Виктории руку, совершенно деловым и уверенным движением пожал ее пальцы и развернулся, вернулся в салон. Черный автомобиль дернулся со стоянки.

Тори пожала плечами и потихоньку направилась к школе, на ходу набирая на сотовом сообщение в школьный чатик: «Ребята, завтра надо дать окончательный дизайн по декорациям, завтра с утра придет замерщик».

– Виктория Владимировна, – окликнул ее кто-то из толпы школьников. – Как вам удалось убедить московского олигарха с таким рвением участвовать в вашем проекте?

Девушка повернулась, улыбнулась приветливо, но сдержанно, будто прочертив этой улыбкой границу дозволенного:

– Я не даю интервью, Васильев.

Школьники захохотали:

– Рылом ты не вышел, Васильев... Был бы еще столичным СМИ, или блогером-миллионником...

Виктория не слушала, она прошла мимо подростков и скрылась за дверями школы.

– Дэн Илантьев считает, что у нее роман с его отцом, – скривился, глядя ей в спину, Васильев.

– И что? – девочка из параллельного класса пожала плечами. – Вам-то что?

Васильев усмехнулся:

– Нам? Нам просто интересно...

Илантьев в зеркале заднего вида видел, как Викторию окликнули, как она коротко, но холодно что-то ответила и ушла в здание школы. Видел. Как в спину ей смотрели, переговариваясь. «Как же, ничего частного», – пробормотал он.

Сотовый разразился тревожной трелью. Антон бросил взгляд на экран – начальник службы безопасности, Жека Марков. Илантьев подключил гарнитуру:

– Узнал что-то по Денису?

– Пока работаем. Я не по этому поводу звоню... Костю Юрьева убили.

Глава 7

Москва, вторник

Камеры на этом участке Малой Бронной были установлены у пабов, магазинов, на фасадах жилых домов, по периметру Патриарших, практически без слепых зон. Практически – вечное ключевое слово, о которое запинаешься в самый ответственный момент. За кафе «Коти Ки» был небольшой участок «серой» зоны, как раз до выхода в подворотню. Именно там убийца выбросил пистолет.

На этом участке было довольно многолюдно. Но – как правильно отметили оперативники в отчете – движение в основном было от Садового кольца к пабу «Элементари» – вечер выходного дня был в самом разгаре. И парень в черных джинсах, куртке, с надвинутой на глаза бейсболке, шедший против людского потока, изрядно выделялся. Оперативники отследили, как он миновал камеру видеонаблюдения на углу у Патриарших, в поле зрения следующей так и не попал – никто не шел против людского потока.

– Значит, он вернулся, – кивнул выводам оперативников Обухов и посмотрел на карту. К этому времени вокруг «Элементари» начала собираться толпа, оцепеневшие в первые мгновения свидетели, пришли в себя. Кто-то кричал, кто-то снимал на камеру мобильного телефона, кто-то звонил в полицию. Убийца бы туда уже не рискнул идти. Значит, он мог

укрыться в какое-то заведение между аркой и пабом. Это два заведения. Или проскочить на Большой Патриарший. Там тоже несколько работавших в этот час заведений. Они не слишком большие, а значит, проверить всех, входивших и выходивших в них в небольшой промежуток времени – задача реальная. Хуже, если убийцу ждал соучастник в припаркованном где-то во дворах автомобиле. Эту версию Обухов будет отрабатывать позднее – там камеры никуда не денутся, оперативники все записи уже изъяли. Да и шансов, что неизвестный автомобиль мог припарковаться в закрытом дворе – а в центре Москвы практически все дворы закрытые – было немного... Обухов снова поперхнулся на слове «практически», дал указание оперативникам отработать с участковыми по всем близлежащим дворам: какие открытые, какие закрытые, кто терял ключи, кто видел неизвестный автомобиль, а сам решил обойти ближайшие к месту убийства Юрьева пабы и рестораны.

Почему убийца стрелял? Личный мотив – Юрьев находился в состоянии развода, бывшая любовница нашла себе утешение и отдыхает на Мальдивах – это то, что уже удалось установить к этому моменту. У Юрьева были серьезные финансовые проблемы. Он был владельцем инвестиционного фонда, работавшего со строительными фирмами Москвы и Подмосковья. Около года назад он взял крупный кредит в банке под госконтракт. Работы выполнены, но с нарушениями, объект не прошел госприемку. Начались издержки,

претензии, судебные тяжбы... Один из подрядчиков назначил экспертизу по своему участку работы, оказалось, что нарушения были допущены из-за брака в материалах, а материалы предоставляла фирма-прослойка, также принадлежавшая Юрьеву... У Обухова голова шла кругом, пока он чертил на листке бумаги запутанные схемы с участием убитого. Так или иначе, любая из них могла стать причиной для заказного убийства. Все эти версии требовали проработки. Успей он поймать убийцу по «горячим» следам, дело бы упростилось значительно.

«Если бы да кабы во рту выросли грибы», – бормотал он, оставляя подержанный «Форд» на подземном паркинге.

Он прошел к пабу «Элементар», но не стал заходить внутрь, огляделся. Он встал на место убийцы, пошел к Садовому кольцу, по пути отмечая камеры видео наблюдения и воссоздавая в памяти кадры, которые они зафиксировали: как молодой высокий парень в черных джинсах и черной куртке с надвинутой на глаза бейсболкой под капюшоном шел навстречу шумной толпе гуляющих и отдыхающих, неся под мышкой пистолет, из которого он только что застрелил человека. Он шел, ничем не привлекая к себе внимания. Его лицо было скрыто от камер, но встречные прохожие наверняка видели его лицо, и оно ничем не обратило на себя их внимание. Обухов мог легко представить, что убийца шел и приветливо улыбался, а может даже насвистывал веселый мотив. Сразу стало понятно – он профессионал. «Значит,

все-таки заказное», – подумал с какой-то непривычной безнадёжностью.

Он вернулся тем же маршрутом, которым, он предполагал, прошёл преступник.

Около бара «Коти-Ки» стояли подростки, тихо переговаривались, попивая горячий чай. Иногда взрывались хохотом.

Обухов толкнул дверь и вошёл. Грифильно-серые стены с яркими акцентами – алыми пустыми рамами, подушками и настольными лампами с кружевными абажурами: здесь было уютно. Балками, шедшими от входа к барной стойке, зал был поделен на три пространства. У стены темнела лестница на второй этаж.

Обухов подошел к барной стойке.

– Добрый день, чем вас угостить? – к нему подошел улыбающийся бармен.

– Угостить? – следователь усмехнулся. – Вы же понимаете значение этого слова? Угостить, значит, дать бесплатно...

Бармен улыбнулся еще шире:

– Вы же понимаете, что зашли в паб, а не в богадельню, – он выжидательно прищурился, умело вернув колкость посетителю. Обухов захохотал:

– Браво, профессионально отбрил...

– Так чем вас угостить?

– Давайте кофе, – Обухов прикинул, что на кофе в этом заведении он не должен разориться, в конечном счете ему еще четыре заведения обходить и в каждом придется что-то

заказывать. И когда парень принялся выполнять его заказ, добавил: – а угостите вы меня ответами на парочку вопросов.

Он достал удостоверение и развернул его, дав возможность бармену прочесть его имя, звание и должность.

Бармен посерьезнел и покосился на своего напарника, тот понимающе юркнул за ширму, Обухов слышал его удаляющиеся шаги по лестнице, ведущей на второй этаж.

– Вчера в пабе напротив, «Элементарии», произошло убийство.

– Я не работал в ту смену, – поспешно отреагировал бармен и поставил перед Обуховым белоснежную кружку кофе.

– Мне нужен тот, кто работал...

Из-за ширмы вернулся напарник бармена, приведя с собой администратора – неприветливую девушку лет двадцати шести. Та ловко оттеснила бармена и заняла место перед Обуховым.

– Чем могу быть вам полезна? – она холодно улыбнулась.

Обухов отставил от себя оказавшийся слишком крепким кофе:

– Мне нужно переговорить с сотрудниками, работавшими в зале вчера, – он снова достал и развернул удостоверение.

– Сегодня работает другая смена, – девушка не моргнула.

– Значит, вам придется или вызвать их сюда, или предоставить их координаты, чтобы мы переговорили с ними сами.

Девушка размышляла всего мгновение, Обухов, наблюдая за ней, все-таки сделал небольшой глоток кофе, во рту остал-

сы резкий кислоовато-горький вкус. Администратор кивнула:
– Хорошо, я подумаю, что можно сделать.

Она отошла, сверилась с электронным табелем, подозвала к себе девушку и парня. Спустя пару минут вернулась к Обухову:

– Вот. Надежда и Руслан работали вчера в зале. Еще Ольга, но она сегодня выходная. Я дам ее адрес.

Обухов кивнул:

– Оперативно. Где мы можем поговорить, без посторонних?

Администратор предложила пройти на второй этаж – там оказались кабинеты администрации и небольшой склад. Обухов выбрал кабинет, сел за стол. Чтобы занять чем-то администратора, явно не желавшую покидать помещение, попросил:

– Я вас попрошу сделать выписку по всем заказам, поступившим к вам вчера. Особенно меня интересуют заказы, сделанные и оплаченные с 23–15 до полуночи.

Надежда и Руслан мялись у входа, наблюдая, как администратор вышла из кабинета.

– Присаживайтесь, – пригласил Обухов. – Скажите, вчера много было народу?

– Н-ну да, как обычно в выходные, – посмотрев на напарника, проговорила девушка.

– Но свободные места были, – добавил парень.

– Вы слышали стрельбу у «Элементарии»?

Девушка отрицательно качнула головой:

– Нет, я в зале была, на улицу не выходила. А тут музыка. Не слышно было.

– Я тоже не слышал, – кивнул парень.

Оба заметно успокоились, повеселели. Обухов кивнул:

– Хорошо. Меня интересуют посетители, появившиеся в зале после 23–15. – Он достал из внутреннего кармана распечатку с камер видеонаблюдения. – Вот этот парень заходил?

– Это убийца? – у девушки загорелись от любопытства глаза, но она тут же осеклась, засмушалась. – Н-нет, не припомню такого.

Фото придвинул к себе парень. Он выглядел старше, уверенней.

– Он высокий, спортивный и немного сутулится, – отметил он очевидное, а тут же удивил следователя: – Такой заходил что-то около половины двенадцатого. Но он был в яркой куртке, без бейсболки. Он присоединился к компании за пятым столиком. Я ее обслуживал.

– Вы можете его описать?

Парень кивнул:

– Светлые волосы, немного вьются. Яркие, мне кажется, синие глаза... смазливый такой, девчонкам такие нравятся. Ну, он, собственно, почти сразу и удалился с одной из девушек, сидевших за столом.

– А у вас камеры внутри зала стоял?

– Да, конечно, – охотно сообщила девушка, в одно мгновение поняв, что Руслан стал более интересен для следователя. Безотчетное чувство конкуренции заставило ее добавить: – Да, я тоже запомнила этого парня. Компания что-то говорила про байки. Кажется, этот парень был байкером.

«Черт», – мысленно выругался Обухов, о байке он не подумал. Как и о самокатах и прочей мелкой ерунде, снующей там и тут по дорогам столицы.

– Они рассчитались картой или наличными? – спросил и замер в ожидании, словно от ответа зависело его будущее.

Руслан кивнул:

– Картой. Расплачивался парень, тот что постарше. Примерно в полночь... три тысячи семьсот двадцать рублей.

Обухов удивился:

– Так точно помните?

Парень широко улыбнулся:

– Это профессиональное!

– У нас же от суммы чека чаевые рассчитываются, – пояснила девушка.

«Как здорово иметь дело с профессионалами», – отметил про себя Обухов.

Он отошел от «Коти-Ки», развернул распечатку с кассового терминала, почти мгновенно найдя сумму три тысячи семьсот двадцать рублей, проведенную в три минуты первого.

Гаврила Иванович набрал номер:

– Нужно найти фамилию-имя-отчество и место регистрации пользователя карты.

* * *

– Костю? Костю убили? – Илантьев вывернул руль и припарковался. Рядом гудели авто, кто-то крутил у виска и беззвучно матерился сквозь закрытое окно. – Ты откуда это знаешь?

– По телеку увидел... Только что.

– Может, это не тот Костя Юрьев?

– Не гони. Я Филе позвонил, он подтвердил, что уже три дня как.

Филя – Филипп Сосновский – зам Юрьева, он не мог ошибиться.

– Черт...

Илантьев шумно выдохнул и вытер разом вспотевших лоб.

Смерть Юрьева – это плохо. Илантьев в памяти восстанавливал все последние договоренности с бывшим партнером по бизнесу. Если Костя все сделал, как они оговорили. То проблем не будет, а если нет...

– Черт, – он снова повторил. – Так... Жека, скажи юристам, пусть проверят по базе юрилиц, закрыто ли «Ал-лур-строй» и «Сегмент-монтаж».

– Ты че, Тох, думаешь... – Жека осекся. – Понял, сейчас

дам задачу. Кого лучше подключить? Марину или Федотова?

Марина была замом Илантьева по правовым вопросам. Федотов – штатный юрист.

– Марину введи в курс дела.

Марина – не местная, приехала в город из Владивостока, и пока не успела обрести знакомыми. Он ей доверял больше, чем пронырливому Федотову.

Глава 8. Бывшая жена

Москва, вторник

Обухов ожидал истерику и слезы – вдова Юрьева по телефону, когда он назначал ей встречу, едва держалась: тяжело и отрывисто дышала, всхлипывала, говорила упадническим тоном, то и дело срываясь на визг.

Обухов прогнал от себя навязчивую мысль – чаще всего такая нарочитая скорбь говорит о причастности к убийству, но одного взгляда на женщину ему хватило, чтобы окончательно отказаться от этой версии. Алла Игоревна оказалась женщиной дородной и отечной, с рыхлой кожей, не знавшей дорогих косметологических процедур. Волосы, пережатые гидроперидом, торчали на висках, словно пакля, а сквозь глубокие залысины просвечивала красноватая кожа головы. Мужчине стало ясно, что отрывистая речь и тон вдовы Юрьева, были, скорее всего, вызваны не душевными переживаниями, а хронической болезнью. Женщина не выглядела заплаканной, не давила из себя слезу и не демонстрировала горе, хоть и дышала так же одышливо. «Гипертоник», – догадался Обухов.

– Проходите, – Алла Игоревна посторонилась, пропуская мужчину внутрь квартиры. – Хорошо, что позвонили перед приходом, не люблю сюрпризы.

«Оно и понятно», – Обухов огляделся. Квартира, имев-

шая когда-то стильный дизайнерский ремонт, сейчас выглядела старомодно и уныло: потемневшие обои, кисловатый запах скопившейся в раковине посуды и давно не стиранные портьеры. Жилище требовало обновления и хозяйского внимания: вещи были разбросаны, на кухонном столе стыдливо замерли грязные кружки в окружении тарелок с остатками еды, засохшим хлебом и недоеденным салатом.

– Сестра недавно ушла, – сообщила женщина, поймав удивленный взгляд следователя и прикрывая дверь в кухню, – проведывала меня. Я с этой погодой чертовой, магнитными бурями и вспышками на Солнце измаялась – давление зашкаливает, пульс...

Она оправила домашний костюм, тоже изрядно поношенный и не слишком свежий, махнула рукой и направилась в гостиную, приглашая Обухова последовать за ней. «Смерть мужа в качестве причин для высокого давления не названа, – отметил он про себя, усмехнувшись. В памяти всплыла известная фраза из кинофильма «Покровские ворота»: «Высокие, высокие отношения!». Он прошел следом за хозяйкой в гостиную, сел на предложенное кресло у стены. Алла Игоревна села напротив, подобрала ноги под себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.